DOI: 10.53737/2713-2021.2024.22.37.006

Г.С. Джумабекова, Е.Ш. Амиров, К. Алтынбеков, Э.К. Алтынбекова, Р.Ж. Жанузак, А.Е. Чильдебаева, Г.А. Базарбаева

LETUM NON OMNIA FINIT (ОБ ОДНОМ ШЕДЕВРЕ ШКОЛЫ ТОРЕВТОВ САКОВ ЖЕТЫСУ)*

Памяти нашего коллеги, археолога
Арнабая Абишевича Нуржанова
посвящаем

Археология раннего железного века Казахстана в последние десятилетия стремительно пополняется новыми данными, в том числе — по древнему искусству. К настоящему времени практически во всех регионах страны получены новые яркие комплексы, характеризующие существование устойчивых традиций в материальной культуре, особенно в торевтике. Целью настоящей статьи ставится ввод в научный оборот высокохудожественных изделий из курганов ранних кочевников, расположенных на территории города Алматы (конец V — начало IV в. до н.э.). При культурно-хронологической атрибуции находок предпринята попытка не только поиска аналогий им, но и привлечены данные антропологических и палеогенетических исследований. Анализируемые находки демонстрируют сюжетно-стилистические параллели с изделиями кургана Иссык и с искусством населения пазырыкской культуры. Подтверждается тезис К.А. Акишева о существовании семиреченской школы сакских торевтов и существование трансконтинентальных контактов между населением Передней Азии и Великой степи.

Ключевые слова: Жетысу, Алматы, Таугуль-3, курган Иссык, ранний железный век, саки, искусство, звериный стиль.

Сведения об авторах: Джумабекова Гульнара Саиновна[1], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Амиров Ерлан Шарефович[2], директор, ТОО «Археологические исследования»; Алтынбеков Кырым[3], директор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; Алтынбекова Элина Кырымовна[4], дизайнер-реставратор, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; Жанузак Рамазан Жаксыбайулы[5], заведующий лабораторией физической антропологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Чильдебаева Айнаш Еркеновна[6], PhD, ассистент-профессор, Университет Техаса; Базарбаева Галия Аппазовна[7], кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1,5,7]050010, Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, 44, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; [2]Казахстан, г. Караганды, ул. Механическая, 8а, кв. 2; [3,4]Казахстан, г. Алматы, ул. Венецианова, 6/5; [6]TX 78712, USA, Austin, University of Texas at Austin, 2201 Speedway; e-mail: [1]gdzhuma@mail.ru;[2]e.amirov82@gmail.com; [3]tengri05@mail.ru; [4]elina.altyn@gmail.com; [5]rzhanuzak04@gmail.com; [6]ainash.childebayeva@austin.utexas.edu; [7]galiya2002@gmail.com.

Gulnara Jumabekova, Yerlan Amirov, Kyrym Altynbekov, Elina Altynbekova, Ramazan Zhanuzak, Ainash Childebayeva, Galiya Bazarbayeva

LETUM NON OMNIA FINIT (ABOUT ONE MASTERPIECE OF THE ZHETYSU SAKA TOREUTIC SCHOOL)

The archaeology of the Early Iron Age in Kazakhstan has rapidly expanded with new data in recent decades, including in the field of ancient art. To date, new complexes have been discovered in almost all regions of the country, indicating the existence of stable traditions in material culture, particularly in toreutics. The aim of this article is to

* Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023—2025, ИРН проекта BR21882346.

Статья поступила в номер 31 июля 2024 г.
Принята к печати 14 августа 2024 г.

© Г.С. Джумабекова, Е.Ш. Амиров, К. Алтынбеков, Э.К. Алтынбекова, Р.Ж. Жанузак, А.Е. Чильдебаева, Г.А. Базарбаева, 2024.

introduce highly artistic artifacts from the early nomads' kurgans located in the city of Almaty (late 5th — early 4th century BCE) into academic discourse. The cultural and chronological attribution of the finds involved not only searching for analogies but also incorporating anthropological and paleogenetic research data. The analyzed findings show thematic and stylistic parallels with the artifacts from the Issyk kurgan and the art of the Pazyryk culture. K.A. Akishev's thesis regarding the existence of a Semirechenskaya school of Saka toreuts and the presence of transcontinental contacts between the populations of Western Asia and the Great Steppe is confirmed.

Key words: Zhetysu, Almaty, Taugul-3, Issyk kurgan, Early Iron Age, Saka tribes, art, animal style.

About the authors: Jumabekova Gulnara[1], PhD (History), Margulan Institute of Archaeology; Amirov Yerlan[2], director, LTD "Archaeological Researchers"; Altynbekov Kyrym[3], director, Scientific and restoration laboratory "Ostrov Krym"; Altynbekova Elina[4], designer-restorer, Scientific and restoration laboratory "Ostrov Krym"; Zhanuzak Ramazan[5], head of the Laboratory of Physical Anthropology, Margulan Institute of Archaeology; Childebayeva Ainash[6], PhD (Anthropology and Toxicology), Assistant Professor, University of Texas at Austin, 2201 Speedway, Austin, USA, TX 78712; Bazarbayeva Galiya[7], PhD (History), Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: [1,5,7]050010, Kazakhstan, Almaty, 44 Dostyk Ave., Margulan Institute of Archaeology; [2]Kazakhstan, Karaganda, 8a-2 Mekhanicheskaya, str.; [3,4]Kazakhstan, Almaty, 6/5 Venetsianov, str.; [6]TX 78712, USA, Austin, University of Texas at Austin, 2201 Speedway, e-mail: [1]gdzhuma@mail.ru; [2]e.amirov82@gmail.com; [3]tengri05@mail.ru; [4]elina.altyn@gmail.com; [5]rzhanuzak04@gmail.com; [6]ainash.childebayeva@austin.utexas.edu; [7]galiya2002@gmail.com.

Введение

В современной археологической науке Казахстана на протяжении последних десятилетий наметилась положительная тенденция в пополнении источниковедческой базы данных по раннему железному веку. Яркие находки происходят из курганов, исследовавшихся в различных регионах страны. Новые открытия стали возможными благодаря своевременной финансовой поддержке, осуществлявшейся в рамках реализации задач целого ряда научных проектов (Онгарулы и др. 2023; 2024).

Среди новых открытий особенно выделяются результаты исследования таких памятников, как Елеке сазы, Акжайлау и Тасарык (Урджар) в Тарбагатае и на Алтае (Samashev 2021; Байтанаев 2019; Самашев и др. 2023), Кызылжартас, Саба, Ыскак — в Сарыарке (Бейсенов и др. 2023; Дмитриев и др. 2022; Онгарулы и др. 2020), Бабиш мола 2, Чирик Рабат, Акшукыр, Буланды 3, Егистик, Мынарал — в Прииралье (Утубаев, Аккалиева 2024), Бисоба, Кураша I, Кайынбулак II, Жайык, Урысай-2 — в бассейне реки Урал (Бисембаев и др. 2019; Лукпанова 2022) и многие другие.

На фоне этих открытий материалы курганов № 2 и 3 мог. Таугуль-3 на территории г. Алматы видятся рельефнее и дополняют корпус сведений о культуре населения эпохи ранних кочевников. Материалы раскопок погребальных сооружений № 2 и 3 опубликованы ранее (Нуржанов и др. 2023; Амиров и др. 2024).

Могильник первоначально состоял из цепочки курганов, вытянутых по линии С—Ю вдоль р. Каргалы. Исследованы три объекта из нескольких сохранившихся курганов когда-то крупного могильника. В статье предпринимается попытка атрибутировать находку, выявленную в грабительском лазе кургана № 2, вне контекста полностью разрушенных погребений, а также изделие из кургана № 3.

Нужно отметить, что материалы исследованных курганов мог. Таугуль-3 (конструктивные особенности сооружений, погребальный обряд), позволяют отнести их к характерным памятникам саков Жетысу, что подтверждается и полученными датами: конец V — начало IV в. до н.э. (2407±29); дата, полученная на основании анализа кости скелета человека, лежавшего ничком на погребённой поверхности над южной ямой № 1, моложе — конец III — середина II в. до н.э. (2184±30).

Датировка, полученная на основании анализа костей собак: захороненной над началом грабительского лаза с южной стороны от основной конструкции — 1049±26 лет; кость собаки, выявленной над ямой № 1, дала дату 1022±31.

Таким образом, можно предположить, что курган был сооружён в период последней трети V — первой трети IV в. до н.э. (табл. 1, рис. 1—4).

Таблица 1. **Радиоуглеродные даты. Могильник Таугуль-3, курган № 2**
(Компания научных услуг «БАРНАС», Вильнюс радиокарбон).

	Sample designation	Lab. code	Radiocarbon age, BP	pMC
1	Курган № 2. Конструкция № 2. Могильная яма. Придонная часть.	FTMC-JP46-24	2407±29	74.11±0.24
2	Курган № 2. Бровка 0-Юг (кость собаки).	FTMC-JP46-25	1049±26	87.75±0.14
3	Курган № 2. Конструкция № 1.	FTMC-SF12-17	1022±31	88.05±0.34
4	Курган № 2. Конструкция № 1. Погребение 1.	FTMC-SF12-18	2184±30	76.19±0.29

Материалы и методы

Методика исследований. В ходе полевых исследований 2020 г. находки были переданы руководителем раскопа А.А. Нуржановым в Научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым». Под руководством директора лаборатории К. Алтынбекова с анализируемого предмета удалены загрязнения, предприняты меры по его консервации[1] (рис. 5).

Для тщательного изучения изображения на цилиндрической поверхности находки, с неё снята силиконовая матрица, которая после расправления была использована для создания гипсовой отливки (рис. 6). Данный способ позволил работать с развёрнутым изображением, не взаимодействуя с аутентичным предметом. Изучение слепка проводилось с использованием макросъемки на фотоаппарат Nikon с разрешением 4К, позволяющей проследить мелкие детали с высокой точностью. Изображение выводилось на экран с разрешением 8К, что позволило подробно ознакомиться с объектом исследования. Затем снимки изучались совместно с реставраторами. С использованием цветовой маркировки отмечались содержательные элементы композиции. Изучение развёрнутого с помощью слепков изображения позволило видеть его целиком, в отличие от изучения цилиндрического оригинала, где одномоментно возможно наблюдать не более половины изображения. Детальное знакомство с изображением, его обсуждение, позволили выполнить качественную графическую прорисовку предмета. Первое предположение о том, что граница изображения прямая, было опровергнуто в ходе изучения. Так, передние ноги травоядного животного загибались таким образом, что на развёртке оказались на уровне его рогов. И только детальная работа над слепком и оконтуривание всех выявленных частей тела, позволило увидеть изображение целиком.

[1] Иллюстрации подготовлены авторами. Благодарим Манаса Казикеева за графическую прорисовку предмета, Михаила Антонова за помощь в обработке рисунков.

В процессе изучения находки также использовались традиционные методы археологии: описание, сравнительно-типологический анализ, поиск аналогий, атрибуция.

Описание материала. Анализируемая находка — шпилька либо жезловидный предмет, представляющий собой железный округлый в сечении стержень с шаровидным навершием, обёрнутый тонким металлическим листом жёлтого цвета с рельефным, тиснённым изображением. Толщина металлического листа варьируется от 0,14 до 0,28 мм. Размеры стержня: длина 12,4 см, диаметр от 0,55 до 1,4 см. Шаровидное навершие отделено от стержня (видимо, в процессе археологизации) и имеет диаметр около 1,5 см.

Для изготовления изделия на металлической заготовке детально вырезалось рельефное изображение, таким образом выполнена подготовка металлической матрицы. Затем она была завёрнута в лист из жёлтого мягкого металла и методом басмы (придавливанием, чеканкой), лист принял форму узоров на матрице, повторяя все детали. Далее изделие дополнительно обработано прорисовкой стилем (тонким инструментом) для большей детализации.

На предмете помещена сцена терзания фантастическим кошачьим хищником травоядного животного, в основе которого — олень. Она вписана в узкое удлинённое пространство листа (размерами 12,4 × 2,8 см), куда смогли вместить детально всю сцену.

Олень показан в профиль, лежащим, с разворотом левым боком к зрителям. Его тело вывернуто — круп развёрнут вверх. Крупная голова вытянута вперёд на длинной шее. Большой глаз с выделенной слезницей вписан в круг. Пасть приоткрыта, храп выгнутый как у лося, подчёркнут рельефом (валиком). Нос преувеличен, он большой, показан закрученным кверху, напоминает стилизацию носа у волков в Сибирской коллекции Петра I. Вероятно, у оленя показана ноздря каплевидной формы внутри закрученного носа. Нос-ноздри соединяются с храпом. Скулы обозначены спиралевидным завитком. Губы оконтурены валиком. Большое листовидное ухо оттянуто назад и прижато к шее сверху. Оно имеет два выпуклых кружочка (полушарика) в основании. Детали узкого вытянутого листовидного уха проработаны рельефом внутри общего контура, чем хорошо передано не плоское ухо, передан его объём.

Рога большие, ветвистые. Два передних отростка рогов, в виде слабо изогнутой S-видной фигуры, вытянуты вперёд, нависают над мордой, чуть расширяются на концах. Ещё пять отростков показаны от основного рога вверх. Первый отросток показан в виде профильной головы грифа с загнутым клювом и крупным округлым глазом. Изогнутая шея оформлена в виде трёх параллельных валиков, возможно внешний из них обозначает гриву. Также обозначена створка клюва. Последний, пятый отросток, самый крупный, показан в виде головы грифона на длинной дуговидной шее с изогнутым небольшим хохолком. Клюв мощный с обозначенной углублением створкой и восковицей. Большой глаз округлый, с выделенной слезницей и выпуклым зрачком. Щека передана рельефом в виде полуподковы или широкой скобки. От шеи на затылок спиралевидным завитком выведено ухо. Голова грифона тяжами соединена со стержнем рогов. Расположенные между первым и последним отростком рога — три средних — выполнены в виде стилизованных головок грифонов со спиралевидным завитком и пламевидным хохолком, направленным вверх. Из них первые два одинаковые по размеру, а третий — наибольший из них.

Туловище животного перекручено в средней части таким образом, что задние ноги оказались повёрнутыми вверх. Лопатка обозначена двумя изогнутыми дуговидными рельефными линиями и третьей линией, заканчивающейся спиралевидным завитком. Бедро перевёрнуто на 180°, волюты на бёдрах и лопатке оленя выделены большой спиралью, также закрученной вверх и против часовой стрелки. Основание задней ноги на бедре обозначено полуподковой или скобкой. Задняя нога направлена назад и в колене согнута под прямым углом, от колена вытянута вверх-назад. Вдоль голени желобком выделен сустав (кость) — пясть, путовый сустав, приострённое копыто показано отдельно. Передняя нога подогнута назад под туловище, согнута также в путовом суставе — копыто помещено под туловище, т.е. она дважды согнута, чем показано неестественное положение, копыто приострённое.

Запястье оформлено сдвоенными кружками. Коленный сустав передних ног обозначен парными кружочками. Предплечье выделено изогнутой S-видной фигурой. Вторая передняя нога вытянута вперёд, копыто — под головой.

Положение ног оленя, ввиду замкнутой круговой композиции на стержне шпильки, может восприниматься так, что одна из них передняя подогнута под туловище, вторая, скорее, по аналогии с пазырыкскими изображениями — расположена под туловищем и подогнута внутрь, хотя при развёртывании листа обе ноги оказываются над оленем. Таким образом, при рассмотрении сцены положение передних ног оленя может восприниматься двояко, но нужно учитывать первоначальную необходимость «обернуть» стержень шпильки.

Кошачий хищник показан вцепившимся в травоядное животное. Морфологические особенности морды кошачьего хищника переданы чётко. Голова обращена к зрителю — впрямь и немного сверху, зубами (учитывая вывернутое туловище оленя) хищник вцепился в брюхо травоядного животного. Его правая лапа с тремя когтистыми пальцами находится сверху на загривке или лопатке оленя, левая передняя лапа, наоборот, снизу обхватила заднюю ногу жертвы. У кошачьего хищника широкая голова, мощная длинная шея (как и всё туловище), вывернутое туловище — две задние ноги с мощными лапами расположены в верхнем углу композиции, как бы подпирая лапами верх.

Глаза суженные, подтреугольные, раскосые. Характерные черты морды хищника переданы таким образом, что внутри более больших треугольных фигур находятся такие же мелкие. Нижняя линия глаз является верхней границей щёк, сморщенной верхней губы, переданной линией скобок. По сторонам щёк обозначена шерсть — это приострённые окончания скул-щёк.

Нос с линией лба оформлен в виде изогнутой буквы «Т». Лоб высокий. У кошачьего показаны складки на лбу и верхней губе. Уши листовидные, узкие, направлены в сторону и вверх, в основании — спиралевидный завиток, кончики ушей приострены и слегка загнуты внутрь. Ушная раковина обозначена углублением. Внешняя сторона уха выполнена в виде поперечных коротких валиков или насечек, передающими фактуру — шерсть. Верх головы — линия лба оформлена так, как будто уши двумя выгнутыми дугами соединяются в центре.

Задние ноги детализированы — продольным углублением обозначены суставы. Бедро показано вытянутым треугольником с выгнутыми сторонами, короткая сторона, направленная к ноге — оформлена спиралью, переходящей в сустав ноги (левая нога). Длинный хвост изгибается и тянется к загривку, показан цепочкой скобочек (чешуек). Он как бы заброшен/закинут на спину. Хвост от крестца поднимается — огибает круп.

От нижней линии плеча хищника вверх направлено листовидное крыло с завитком в основании (в виде запятой), фактура оперенья передана двумя линиями подковок, окончание крыла заужено, плохо сохранилось, очевидно, направлено вперёд. Туловище хищника перекрывает частично заднюю ногу оленя (рис. 7).

Изображение выполнено в технике низкого рельефа, тиснением. Детали показаны сочетанием умело и точно выполненных вдавлений и выпуклостей. Сцена предельно заполняет поверхность изделия. Оно вписано в форму пластины, которой обёрнут стержень.

Анализ изображения. Параллели в материалах кургана Иссык

Сюжет является классическим для искусства звериного стиля и, в целом, перекликается с декором ряда находок из восточной части евразийских степей по композиционному решению и художественным приёмам. Декор шпильки находит очевидные аналогии среди изделий кургана Иссык (V—IV вв. до н.э.): это проявляется в изобразительных средствах, стилистике изображений.

В таблице 2 представлен перечень находок из кургана Иссык, выполненный на основе описания К.А. Акишева (1978). В графе «Наименование предмета» в некоторых случаях в

скобках указан декор, что сделано для наиболее чёткого представления о каких изделиях идёт речь. Цифры, обозначающие количество, проставлены согласно описания в книге.

Таблица 2. **Перечень находок из кургана Иссык** (по Акишев 1978).

Наименование предмета	**Кол-во**	**Наименование предмета**	**Кол-во**
Статуэтка архара		Бляшки-нашивки в виде полумесяца	108
Протомы крылатых коней с рогами горного козла		Бляшки-нашивки ромбовидные	313
Пластины в виде птичьих крыльев	4	Пластинки неопределённых форм	74
Бляхи в виде барсов с зубчатыми пластинами, изображающими горы	2	Бусины из сердолика разных форм: круглые, бочонковидные и плоские	10
Бляха в виде барса с зубчатой пластиной и зубчатая пластина, изображающая горы		Бусины цилиндрической формы из пасты белого цвета	16
Бляхи в виде барсов	2	Бляхи-накладки ремня в виде лежащего оленя в профиль	3
Бляхи в виде морды льва	6	Бляхи-накладки ремня малые в виде головы оленя	13
Бляхи в виде лошадей	2	Кинжал	
Бляшки в виде горного козла	5	Бляха-накладка —украшение верхней части ножен (изображение лося)	1
Скульптуры птиц	5	Бляха-накладка — украшение узкой нижней части ножен кинжала (изображение лошади)	1
Диадема (имитация горных вершин или листьев растений)		Бляхи — распределители ремней (изображение волка)	2
Пластины в виде малых птичьих крыльев	2	Меч	
Длинные пластины в виде птичьих крыльев	4	Пронизи украшали ремни крепления меча (2 — цилиндрической, 1 — кольцевой формы). На самой крупной цилинд. — изображение головы тигра анфас	3
Пластины фигурные декоративные	5	Гривна (на окончаниях скульптурные головы барсов)	
Пластины фигурные мелкие	7	Перстень-печать (изображение человеческой головы в профиль)	
Пластины геометрических форм	2	Перстень с большим овальным выпуклым щитком	
Стреловидные украшения	4	Серьга с подвесками	

Таблица 2. **Перечень находок из кургана Иссык (продолжение)** (по Акишев 1978).

Наименование предмета	**Кол-во**	**Наименование предмета**	**Кол-во**
Пластины в виде горных вершин	4	Зеркало бронзовое с позолотой, литое	
Изображения деревьев	5	Лента широкая спиралевидная — декор нагайки	
Бляхи в виде головы тигра анфас между горизонтальными планками	54	Большая серебряная чаша	
Бляхи в виде головы тигра анфас между вертикальными планками	59	Малая серебряная чаша	
Бляшки треугольных форм	2411	Серебряная ложка	
Бляхи прямоугольно-фигурные	30	Бронзовая чаша (найдена во фрагментах)	
Бляшки составные	3	Большое и малое блюда (береза)	
Бляшки-нашивки прямоугольные	488	Черпак	
Бляшки-нашивки квадратные	162	Кувшины	10
Бляшки-нашивки круглые	30	Миски	6
Пронизки цилиндрические с рифленым орнаментом	103		
Примечания: 1) Оттенком выделены мелкие бляшки-нашивки; 2) изображения животных на пластинах, декорировавших клинок кинжала: *на одной* — змея, лиса, заяц, барс, коза, кабан, волк, архар, тигр; *на другой* — змея, лиса, заяц, архар, джейран (косуля), кабан, волк, архар, заяц, волк, кабан и полтуловища какого-то животного); 3) К.А. Акишев отметил, что в могиле найдено 12 предметов из дерева, но взять и сохранить удалось только два блюда-подноса и черпак.			

Анализ материала позволяет представить следующую картину. Поверхность предметов из кургана Иссык содержит различные изображения: человека (щиток перстня), зверей и птиц (элементы костюма, декор клинка кинжала, ручка серебряной ложки); полумесяца, горных вершин, растений, геометрических (прямоугольники, ромбы, квадраты, круги, цилиндры) и стилизованных фигур, декорировавших элементы костюма.

Репертуар зооморфных изображений включает хищников и травоядных: архара, лошадь, лося, оленя, горного козла, антилопу, кабана, волка, тигра, барса, льва, лису, зайца, змею. Образы животных представлены реальными и фантастическими изображениями. К последним относится изображение крылатого коня с рогами горного козла; крылатого оленя с хвостом лошади; крылатого тигра; ушастой птицы. Среди стилизованных, ажурных изображений, в декоре поверхности которых присутствуют завитки, отдаленно напоминающие скрытый образ животного.

Изображения зверей представлены целыми фигурами и редуцированно — в виде передней части туловища, в виде протомы, головы с передними лапами, головы. Копытные показаны с подогнутыми под брюхо ногами, с крупом, вывернутым на 180°. Хищники изображены — свернувшимся, с хищным оскалом, с крупом, вывернутым на 180°.

Орнитоморфные изображения — это образы хищных и не хищных птиц. Первые представлены фантастическими существами — присутствуют в декоре кинжала — в виде протом, а также в виде содержательных элементов, усиливающих синкретическое существо,

изображенное на бляхах пояса. Не хищные птицы показаны на вершине деревьев и все они — целые фигуры. Кроме того, имеются отдельные элементы в форме крыльев, когтей, присутствие которых, видимо, следует рассматривать по принципу *pars pro toto*.

Материалы кургана Иссык демонстрируют знание мастерами-ювелирами особенностей живой и неживой природы. Горные вершины, деревья, листья растений органично вписаны в декор костюма и образуют законченную композицию.

В таблице 3 представлены результаты анализа встречаемости тех или иных образов зверей и птиц, присутствующих в декоре находок кургана Иссык. Всего выявлено 19 различных анималистических изображений. Анализ данных красноречиво свидетельствует о ведущем образе тигра. Изображением животного декорирована поверхность 113-ти изделий и дважды хищник запечатлен на пластинах клинка.

Таблица 3. **Курган Иссык. Репертуар образов животных.**

Изображения зверей и птиц	**Кол-во**	**Изображения зверей и птиц**	**Кол-во**
Архар	3	Лось	1
Крылатый конь с рогами горного козла	2	Волк	5
Барс	7	Хищная птица	2
Лев	6	Змея	2
Лошадь	3	Лиса	2
Горный козёл	5	Заяц	3
Птицы	6	Коза	1
Тигр	115	Кабан	3
Крылатый олень с хвостом лошади	3	Джейран (косуля)	1
Олень	13		

Регион выявления находок, конструктивные элементы погребальных сооружений, художественно оформленные предметы, время сооружения объектов, в первую очередь, предполагает обратиться к этому памятнику — кургану Иссык. Изображению травоядного животного на изделии из мог. Таугуль-3 очень близок образ оленя, нанесённый на бляхи-накладки из кургана Иссык. К общим художественным решениям и стилистическим приёмам можно отнести поставленную горизонтально голову оленя, морда которого напоминает лосиную; скулы, выделенные завитком; глаза с высоким веком и обозначенным зрачком; характерная передача уха; оформление лопатки, окончаний отростков рогов (дополнительно ушастый грифон вырастает из загривка оленя), коленных сгибов.

Важным представляется отмеченный К.А. Акишевым принцип организации композиции, при котором изображение оленя полностью заполняет поверхность бляхи, создавая замкнутость прямоугольной рамки (Акишев 1978: 22; 101; ил. 38). Он характерен и для пластины, покрывающей стержень шпильки: положение вывернутых ног обоих животных замыкает изображение в определённые рамки. Также обнаруживается общее сходство с изображением оленя на бляхе-накладке на ножны кинжала из кургана Иссык (Акишев 1978: 105).

Изображение хищника впрямь — узнаваемый приём для декора изделий из кургана Иссык (Акишев 1978: ил. 19). Бляшки с изображением головы кошачьего хищника обнаруживают сходство с мордой крылатого зверя из мог. Таугуль-3, особенно — изображение головы льва (Акишев 1978: 20, 85; ил. 20).

Стилизованное изображение морды льва анфас, как отметил К.А. Акишев, напоминает человеческую личину. Следует назвать золотую пронизь из кургана Иссык с изображением морды хищника — у него такие же узкие глаза, но они развёрнуты иначе, вниз, а уши —

полукруглые; бляшки с головой анфас между планками (Акишев 1978: 89; ил. 32, 33). Надо отметить, что у кошачьих хищников из кургана Иссык в большинстве нос подчеркнуто уплощён, обозначены ноздри. У хищника из мог. Таугуль-3 он показан иначе, возможно, здесь имеет значение ракурс: взгляд на него направлен не совсем горизонтально, а немного сверху. Нужно отметить, что уши у иссыкских барсов более естественные, не выходят за границы самих изделий. У хищника с зубчатой пластиной на кулахе ухо прижато к голове. У хищника из мог. Таугуль-3 глаза более узкие, чем у изображения животных из кургана Иссык.

Близкие таугульскому изображения головы кошачьего хищника анфас между вертикальными планками украшают бляхи, обнаруженные в Кыргызстане, в районе оз. Иссык-Куль, возможно, из размытого погребения у с. Барскаун (VI—IV вв. до н.э.) (Акишев 1978: ил. 86; 87). Особенность позы барсов на кулахе из кургана Иссык (Акишев 1978: ил. 18; 19), с учётом сочетания горных пиков, деревьев, птиц и округлой формы головного убора, передает объёмную, пространственную картину (Акишев 1978: 86). Также в экспрессивной сцене на жезловидном предмете из мог. Таугуль-3 с перекрученными телами животных просматривается как бы усиление драматизма в округлой форме стержня.

Также, как и в кургане Иссык, уплощены морды у барсов, переданных в объёмных скульптурах семиреченских бронз. Явно уплощённая морда хищника из мог. Таугуль-3 отличается от воплощения образа хищного барса на поверхности художественных бронз Жетысу/Семиречья, даже если принять во внимание разные способы их изготовления, материал и т.д. У барсов с бортиков курильниц и жертвенных столов более крупные глаза, уши полукруглой формы, отличается форма крыла, нет сморщенной в оскале верхней губы, бёдра и лопатки — без акцентирования. Это узнаваемый, но обобщённый без детализации образ хищника в бронзе.

Совсем другой — обобщённый образ хищника, на венчике котла: в виде незамкнутого овала показаны глаза и уши, взгляд без хищного прищура, оскаленная пасть с подробно показанными зубами, но нет складок на губах, ноздри более вытянутой морды переданы углублением в виде скобки (Джумабекова, Базарбаева 2013: рис. 5: 2, 3, 5, 6: 8).

Вместе с тем, среди образов семиреченских бронз также известны фигурки кошачьих крылатых хищников с головой, повернутой в фас (Артамонов 1973: рис. 49).

Параллели изображению из Жетысу в древностях пазырыкской культуры

Отмеченная выше схожесть стилизованного изображения морды льва анфас с человеческой личиной, как общая для искусства Жетысу и Алтая деталь, дополняет ряд признаков, по которым можно провести параллель изделию из мог. Таугуль-3 с образцами творчества населения пазырыкской культуры, в частности, это прослеживается по находкам из мог. Берел. Явные параллели декору изделия из мог. Таугуль-3 прослеживаются в искусстве населения пазырыкской культуры с изображениями кошачьих хищников впрямь или сверху (мы не будем перечислять более ранние образцы древнего искусства с изображением хищника, у которого передняя часть или только голова показана в фас из раннесакских мог. Тагискен, Тасмола). В качестве примера можно привести украшение седельной покрышки, курган № 2 мог. Пазырык (Руденко 1953: рис. 156; около 300 г. до н.э.). В сцене нападения кошачьего хищника на лося его передняя часть, голова показаны сверху, обе передние лапы вцепились в спину травоядного, передние лапы — поверх туловища лося, задние ноги хищника — в позе «идущего» животного, но туловища у обоих животных не вывернуты.

Схожая композиция расположена на седельной покрышке из кургана № 1 (Руденко 1953: рис. 158; около 300 г. до н.э.) — у кошачьего хищника вывернут круп, у оленя с вытянутой головой вывернуты задние ноги, передние — направлены вперёд. Хищник вцепился в оленя снизу. Рога у оленя характерные, не стилизованные. Лапы «идущего» хищника очерчивают границы композиции.

Передача хвоста хищника из мог. Таугуль-3 ячейками или подковками перекликается с оформлением хвоста у фантастических существ, в основе которых находится кошачий хищник с татуировки мужчины из кургана № 2 (Руденко 1953: рис. 177—180).

Распространён в курганах пазырыкской культуры декор конского снаряжения с изображениями головы кошачьего хищника впрямь (анфас). Например, стилизованное изображение головы на роговых принадлежностях упряжи, роговой накладке на седельный ремень кургана № 3 (Руденко 1953: табл. XLVIII: 2): животные показаны с широко расставленными ушами, слегка приострёнными на конце и с завитком внутрь, выделены ноздри и скулы.

Изображения хищников на уздечных и седельных деревянных подвесках из Третьего Пазырыкского кургана характеризуются тем, что по внешней кромке рогов, расположенных над головой, закрученных на конце внутрь, всё же обозначены узкие уши поперечными наклонными, нечастыми насечками или бороздами (Руденко 1953: табл. LVI: 4—6).

Близки образу существа из мог. Таугуль-3 изображения головы кошачьего хищника из Пятого Пазырыкского кургана: например, формой ушей, напоминающих рога, особенно из-за их поперечного рифления, это «турьи рога» с завитками в основании. У кошачьих хищников характерные раскосые глаза, сморщенная верхняя губа, нос с широкими ноздрями. Эти деревянные украшения узды и седла из кургана № 5, видимо, представляют изображения головы хищника впрямь, передающих в одном элементе и уши, и рога над головой (Руденко 1953: табл. LXVIII: 3—5, 7*;* около 250 г. до н.э.). Накладки на седельные ремни с изображениями хищника, у которого задняя часть туловища показана в профиль, голова — анфас, передняя часть туловища с конечностями — передаёт скорее взгляд сверху, в комплекте с накладками с изображением лося с вывернутым крупом, по сути, в целом передает сюжет с умерщвлением травоядного животного. Лопатки и бёдра хищника декорированы спиралевидным завитком, а фактура хвоста — поперечными скобками. Широко растянутая пасть, подразумеваемая в нижней части морды, обрамляет сморщенную верхнюю губу.

Вырезанные из дерева украшения узды и седла из Пятого Пазырыкского кургана, комплект четвёртый (подвеска к передней луке седла; подвески к седельным ремням; накладки на подхвостные ремни) с изображением кошачьей головы, характеризуются изображениями ушей и рогов над головой, с закрученными внутрь кончиками рогов, образующими симметричную композицию из двух половинок (Руденко 1953: табл. LXVII).

В эту серию изображений входит набор вырезанных из дерева уздечных и седельных украшений из Третьего Пазырыкского кургана (мотив — рогатая львиная голова), в т.ч. в таблице приведены профильные изображения голов с шишечкой или завитком на концах «рогов», львиные головы впрямь с широкими закрученными на кончиках рогами над головой и узкими фактурными тонкими ушами по бокам. Нос широкий с выделенными ноздрями (Руденко 1953: табл. LVI).

Голова кошачьего хищника впрямь с выразительными бровями и раскосыми глазами, рельефными скулами и широким носом с обозначенными ноздрями, лоб разделён на две доли, уши изогнутые по бокам головы вверх с закрученными кончиками внутрь вверху помещена на медальоне из коллекции Фролова (Руденко 1953: табл. LXXX: 1).

Прекрасный образец головы впрямь рогатого кошачьего грифона, держащего в пасти двух гусей, находится на войлочном чепраке из Пятого Пазырыкского кургана, обнаруживает параллели с изображением из мог. Таугуль-3. Наибольшую схожесть придают рога грифона, хотя у него чётко показаны и уши (Руденко 1953: табл. C: 1).

Выразительна кожаная нашивка на одежду, покрытая золотом, с изображением головы хищника впрямь с характерными ушами, и, видимо, над головой в центре расположены рога, короткие, вытянутые вверх, демонстрирующая сходные черты с существом из мог. Таугуль-3 (Руденко 1953: рис. 176).

Образцы широко распространённого принципа построения композиции, когда травоядное животное изображено в схожей позе, известны в пазырыкской культуре. В объекте пазырыкской культуры — курган № 11 мог. Берел (297 г. до н.э.) в Казахском Алтае — выявлены характерные

для неё изобразительные памятники — элементы конского убранства. Среди них — плакетка со сценой терзания тигром оленя (Самашев 2011: рис. 36; 403). Оба животных с вывернутыми крупами, у оленя декорированы бедро и плечо, тигр впился в шею оленя.

Особенно выразительная голова анфас кошачьего хищника на украшении конского снаряжения — у него такие же узкие глаза, вытянутые выделенные скулы, крупные уши с завитками в основании, единственное — нижняя часть лица закрыта шерстью или гривой. Форма ушей — менее узкая и вытянутая (Самашев 2011: рис. 353). Несколько похожи другие подвески с головами кошачьих хищников анфас из кургана № 11, но менее выразительны (Самашев 2011: рис. 362—364).

Любопытны подвески в виде головы кошачьего хищника в композиции с тремя протомами орлиных грифонов — сморщенные губы, нос широкий с ноздрями, раскосые глаза, бороздка поперек лба, но уши короткие и широкие, вписанные в форму, подчинены форме щитка, с завитком (Самашев 2011: рис. 379, 381).

Наиболее близко к изображению из мог. Таугуль-3 находится наносник/налобная бляха из кургана № 11 мог. Берел: голова кошачьего хищника впрямь — принципиально схожа с таугульской: широкий нос с обозначенными ноздрями, раскосые глаза, брови, широко расставленные уши с завитками в основании, выступающие скулы (Самашев 2011: рис. 357).

Опубликовано седельное покрытие со сценой вгрызания тигра в травоядное животное в маске оленя (?) — хвост у тигра показан выступающим из-за спины через плечо к нижней части головы; голова оленя — впрямь, хищник изображен «шествующим» из кургана № 11 мог. Берел (Самашев 2011: рис. 385; Джумабекова, Базарбаева 2019).

Близость образцов искусства пазырыкской культуры демонстрирует аппликация войлочного покрытия седла (мог. Ак-Алаха-3, кург. № 1, около 277 г. до н.э.) со сценой терзания тигром оленя: у обоих животных вывернуты крупы, тигр вцепился в грудь оленя снизу, животные показаны в профиль, хвост тигра расположен поверх туловища. Правая лапа тигра находится на шее оленя. Животные вписаны в пространство седла, их ноги проходят по незримой ровной линии-границе (Баркова, Полосьмак 2005: рис. 3.6.б; Полосьмак 2000: рис. 141).

Вытянутые вперёд длинные и узкие уши, напоминающие рога, — у пятнистого барса с зубастой вытянутой пастью (голова — чёрная) у ног барана с перекрученным туловищем и закинутой назад головой, нанесённого на татуировке на левом плече женщины (мог. Ак-Алаха-3, курган № 1) (Полосьмак 2000: рис. 151, б).

На изделиях конского убранства пазырыкской культуры обычны изображения оленей и козлов с подогнутыми ногами в профиль и голова кошачьего хищника впрямь, уши симметрично смыкаются над головой, они направлены вверх и в стороны, на концах закручиваются внутрь или оформлены в виде шариков.

Наиболее близким к композиции на жезловидном предмете из мог. Таугуль-3 является сюжет татуировки на правом предплечье женской мумии из Пятого Пазырыкского кургана (Азбелев 2017: рис. 4; Баркова, Панкова 2005), где три тигра окружили двух оленей. Из них два хищника показаны таким образом, что на них направлен вид сверху, а задняя половина животного показана в профиль, положение ног — идущего животного. Третий хищник показан в позе идущего в профиль. Из двух оленей — нижний показан с вывернутым крупом. У двух тигров показаны лапы поверх туловища оленя и ухватившегося за ногу и отросток рога оленя. Один из тигров вцепился в оленя со сломанным хребтом. П.П. Азбелев считает, что положение ног хищников указывает на иранское происхождение сцены. Предполагается, что погребённая в Пятом Пазырыкском кургане женщина была родом откуда-то из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири (Азбелев 2017: 57).

Образ оленя в позе с подогнутой передней ногой и вывернутым крупом также является типичным для искусства ранних кочевников, в том числе для регионов Алтая и Жетысу: в сцене с терзанием грифоном лося, у которого голова повернута назад, но ноги показаны таким образом, что передняя вытянута вперёд и вторая подогнута под туловище, задние —

вывернуты и вытянуты назад (украшение седельного покрытия, Пазырык, курган № 1; Руденко 1953: рис. 161).

Среди пазырыкских образов часты изображения фантастических существ, в основе которых кошачий хищник, но присутствуют не только крылья, но и рога, а также грива (напр., Полосьмак 2000: рис. 142). Выделяется кошачий хищник с S-видными крыльями — деревянное украшение упряжи (Туэкта, курган № 1). Это парное или сдвоенное изображение крылатого кошачьего хищника с одной общей головой. Туловище передано в профиль, а голова — впрямь, кроме того, две пары передних ног показывают, что и передняя часть туловища также впрямь. У задних ног — огромные лапы с когтями. Крылья также имеют сходную фактуру оперенья — передано чешуйками по внешнему краю. У животного «улыбающаяся» морда с большой растянутой пастью с обозначенными зубами и широким носом, уши короткие (Руденко 1960: табл. CII; Артамонов 1973: рис. 295).

Можно назвать бронзовые поясные пряжки из Восточной Сибири (II—I вв. до н.э.) со сценой нападения кошачьего хищника на архара. У хищника голова и лапы показаны впрямь, уши его похожи на рога — они направлены вверх, приострённые на конце и чуть загнуты внутрь. У архара также — голова впрямь (Nomadic Art… 2002: 110, кат. 80).

Не вдаваясь в дальнейшее перечисление случаев изображения кошачьих хищников и грифонов, можно в целом отметить сходство, общие художественные приёмы, единые принципы воплощения образа кошачьего хищника и фантастического существа (грифона) в искусстве населения Жетысу и пазырыкского Алтая.

Конечно, классический сюжет известен на изделиях из Сибирской коллекции Петра 1, выполненный в схожей стилистической манере. Так, можно назвать парные ажурные пластины-застёжки в рамке с изображением лошади, на которую напал тигр. Тигр ухватился двумя передними лапами и зубами сверху за шею лошади, туловище хищника, как и травоядного, показано в профиль, но голова и передняя половина туловища тигра демонстрируют вид сверху. У лошади подкосившиеся под туловище ноги, рёбра показаны скобками или полуподковками, выделена лопатка (Руденко 1962: табл. VIII: 5, 6). Другое изделие — литая пластина-застёжка, на которой помещено изображение со сценой терзания крылатым и рогатым кошачьим грифоном коня, которого он ухватил за холку, когти передних лап вонзил в его шею и спину, на бёдрах и плече — фигурки в виде выгнуто-вогнутых треугольников и кружочков (Руденко 1962: табл. VIII: 7, 8). Характерные детали в оформлении грифона: кольчатость рогов с шариками на концах; крыло с перьями, кончиками, направленными вперед; листовидная форма кисточки на конце хвоста, поджатого между ног; кружок между треугольниками на бедре и верёвочный орнамент вдоль тела по хребту. У обоих животных вывернуты крупы, ограничивающие пространство рамки. Семантически и композиционно она схожа со сценой терзания на предмете из мог. Таугуль-3, оно также вписано в форму вещи. В тоже время, верхняя часть головы крылатого хищника, лоб с узкими ушами напоминает голову быков на изображениях с более поздних изделий Минусинской котловины, курганов Ноин-Улы.

Исследователями неоднократно подчеркивалась связь пазырыкского искусства с искусством Ирана, например, С.И. Руденко приводит в качестве примера такого влияния сцену нападения льва на быка из Персеполя (Руденко 1953: 348—256 и др.; рис. 186: а). Здесь лев, стоящий на задних ногах, с головой в фас кусает круп быка, а две лапы с выделенными когтями показаны поверх крупа быка. Уши льва с характерным изгибом подняты вертикально вверх и напоминают рога — узкие, с загнутыми кончиками, голова показана анфас. У быка одна передняя нога вытянута вперед, вторая — подогнута. Сцена нападения львиного грифона на козла на седельном покрытии из Первого Пазырыкского кургана (Руденко 1949: 55—56; рис. 19; 1953: табл. CX: 1) по композиции, сюжету и отдельным деталям, по мнению С.И. Руденко, ведет к искусству Ассирии и Ахеменидского Ирана. О взаимовлиянии искусства ранних кочевников и Передней Азии свидетельствуют такие предметы, как золотое налучье с фигурами козлов и оленей из Зивие (Артамонов 1973: 219; илл. 289).

Линия связи Алтай—Жетысу—Иран прослеживается на таком образе, как существа, изображённые на седельном покрытии из кургана № 10 и на серебряной бляхе-застёжке в одном из курганов могильника Иссык (Самашев 2011: 169—170, рис. 43; 404), предметы которого демонстрируют параллели с Ахеменидским Ираном.

Сюжетно-стилистическое сходство изображений Жетысу и Алтая — саков Юго-Восточного Казахстана и пазырыкцев несомненно. Ранее П.П. Азбелев предположил существование западного влияния на культуру древних алтайцев (2015: 36).

Обсуждение содержания сюжета композиции

Сцена нападения хищного зверя на травоядное животное, когда хищник показан вцепившимся в круп или заднюю ногу, в восточной части скифского мира в IV в. до н.э., по мнению специалистов, демонстрируют ахеменидское влияние. Характерно изображение жертвы с туловищем, задняя часть которого перекручена на 180° (Полидович 2006: 360). Одно из значений позы с вывернутым крупом — это способ указать на жертвенное предназначение копытного (у кошачьих, напротив, это поза атакующая) (Азбелев 2015: 35).

Существует мнение, что положение задних лап животных на алтайских изображениях, воспроизводящие часть тела шествующих хищников, а также элементы, акцентирующие плечевые и бедренные мускулы зверя в виде кружочков и скобок, — иранского происхождения (Азбелев 2013: 79). Профильное изображение хищника с головой, повёрнутой в сторону зрителя также характерно для иранского искусства (Сарианиди 1989: 104; Азбелев 2015: 44).

Нужно отметить, что барсы с кулаха (курган Иссык) тоже больше похожи на шагающих, но крыло у них иной формы, чем у хищника в кургане мог. Таугуль-3, более узкое, S-видное, фактура оперенья иначе передана. Относительно оленя можно отметить, что в композиции на шпильке у него тоже скорее сломан хребет, хищный монстр ещё и в брюхо вцепился — тем самым применён художественный приём, усиливший драматизм ситуации. Необходимо при обозначении в качестве аналогий таким композициям указывать «сюжетно и композиционно сопоставимые изображения», учитывая специфику материала и форму несущей поверхности (Азбелев 2013: 79).

Об экспрессивности и эмоциональности сцены, помимо самого сюжета, таких художественных приёмов как вывернутые крупы, свидетельствует и такой элемент как хвост хищника. Предполагается, что позиция хвоста между или на задних лапах, или заброшен на спину — связана с сильным эмоциональным напряжением животного для IV в. до н.э. Характерно для изображений IV в. до н.э. ахеменидской стилистической манеры или античной (Полидович 2002: 189).

Изображение нападающего хищника таким образом, что передняя половина туловища и голова отображают вид сверху, а задняя — показана в профиль, распространено на широкой территории Евразии в гунно-сарматский период. К ним относятся предметы, объединённые понятием «ордосские художественные бронзы» IV—I вв. до н.э. со сценой терзания (Богданов, Кузнецов 2001; Артамонов 1973: ил. 197), и в западной части степного пояса (Засецкая 2019: табл. XVIIA: д). Для позднескифского времени, с конца IV в. до н.э., фиксируется религиозно-политическое единство Ордоса и Саяно-Алтая, активные алтайско-ордосские контакты (Ковалёв 1999: 81).

Изображения головы кошачьего хищника анфас, стилизованные и реалистичные, известны на территории Китая, но отмечается, что для кочевников и для населения Китая — это разные культурные традиции. Большую роль в распространении определённых образов, художественных приёмов, стилистических решений имел подвижный образ жизни населения степи, мощные культурные связи Саяно-Алтая с западными и восточными регионами. При этом, несмотря на наличие канона, каждый мастер мог вырабатывать свой инвариант (Богданов 2006: 47—48; 64).

Обилие или плотное заполнение всей поверхности изделия, не говоря о фигурах животных, декоративными элементами, организация композиции свидетельствует об орнаментализации сцены. А также организация композиции, взаиморасположение животных и их положение свидетельствует о точном расчёте мастера и подчинении её форме предмета. В целом, применено композиционное решение с целью вписать сцену в форму изделия. Орнаментализация изображений, стилизация прекрасно прослеживаются на изделиях Пазырыка (Руденко 1953: табл. LIII: 1—3, LIV: 1, 6, 7, LVII, LXX: 4, 5, и др.).

Что касается образа хищного существа, изображённого на изделии из мог. Таугуль, то, несмотря на то, что уши его имеют фактуру (продольное углубление) именно ушей, по внешнему краю фиксируется короткое перпендикулярное рифление, однако они загнуты на приострённых концах внутрь, их форма, спиралевидные завитки в основании, позволяют увидеть или предположить в них двоякое значение или соединение — уши и рога. Наличие крыльев у хищника добавляет веса этому предположению, подразумевающему синкретический образ фантастического животного. В этом элементе также прослеживается параллель с Пазырыком. Но эта деталь хищника, на наш взгляд, усложняет сам образ.

В самом Пазырыке тоже существуют разные варианты воплощения образа хищного существа — с турьими рогами, с уплощенными мордами, с различными видами моделирования частей туловища, грифоны с рогами и крыльями. Например, различные варианты хищника демонстрируют Башадарская колода (около 296 г. до н.э.) и изображения головы хищника из кургана № 1 мог. Туэкта (около 430 г. до н.э.), изображения хищников из Пятого Пазыркского кургана; серебряное украшение ножен из Первого Туэктинского кургана с изображением кошачьих хищников с вывернутыми задними частями тела. Они некоторыми чертами, например, мордой, схожи с семиреченскими (культовые бронзы). Ещё одним элементом, демонстрирующим контакты или некоторую общность культуры населения двух регионов, является бронзовая курильница в одном из курганов могильника Иссык, обнаруживающая сходство с пазырыкскими изделиями (курган № 2) (Максимова 1978). Хотя, конечно, различия в художественном решении при воплощении определённого образа или декоре изделий обусловлено материалом — дерево, войлок, металл. Тем не менее, в каждом регионе сложились характерные для него, узнаваемые сюжетно-стилистические особенности и приёмы декора костюма, предметов вооружения и конского снаряжения и др.

Изображение оленя — важнейший образ в зверином пантеоне скифо-сибирского стиля Центральной Азии. Н.А. Боковенко выделяет этапы в развитии образа оленя, среди которых средний (классический) этап охватывает VI—III вв. до н.э. (2014). Для него характерны более динамичные позы животных с вывернутым крупом и стилизованными рогами, олень показан жертвой нападающего хищника или как часть синкретичного фантастического существа (с оленьими рогами и копытами). Новый образец художественного изделия вписывается в эту периодизацию.

К подобному выводу пришёл Д.Г. Савинов: поза травоядного животного в сцене терзания (жертвоприношений), обозначающая смерть, «с вывернутой задней частью туловища (вероятно, мёртвого)» и с «подогнутой передней ногой и придавленной вниз головой (вероятно, ещё живого, но уже обречённого)» вырабатывается к середине VI в. до н.э. (Савинов 2020: 45).

Изображение травоядного — крылатого теке — с туловищем в профиль и подогнутыми ногами с головой впрямь воплощено в известном изделии — ободе котла из Жетысу (Тасмагамбетов 2005: 119). В нём соединилось несколько художественных приёмов — совмещение позиции впрямь и в профиль, крылья, превращающие животное в мифическое существо.

Несмотря на схожие художественные приёмы, использованное композиционное решение этого распространённого сюжета, очевидно то, что в каждом регионе, месте локализации определённой культуры, проступает своеобразие, локальное отличие, указывающее, вероятно, на свою школу, центр искусства, запросы и предпочтения элиты, а также характер

и интенсивность контактов, взаимовлияния культуры, например, ранних кочевников и Ахеменидского Ирана, Китая.

По мнению К.А. Акишева, анализировавшего комплекс кургана Иссык, изделия древней торевтики созданы мастерами — выходцами из среды сакских племен Семиречья. В качестве одного из аргументов приводится находка блях с барельефной головой хищника между вертикальными рифлеными планками у с. Барскаун на берегу озера Иссык-Куль и пластины заготовок, остатки листовой бронзы со следами вырезывания из них блях, бесформенные куски бронзы, собранные для переплавки.

К.А. Акишев поставил вопрос о существовании семиреченской школы сакских торевтов. Искусство звериного стиля в регионах «отвечало конкретным этнокультурным традициям». Тем не менее, сакское искусство «звериного» стиля — синкретическое, объединившее два компонента: самобытное и заимствованное. В комплексе присутствуют изделия, изготовленные под влиянием «художественных особенностей и технико-стилистических приемов искусства Передней Азии» (Акишев 1978: 75).

Конечно, одна из близких аналогий — находка из кургана Тенлик (III—II вв. до н.э.) — жезловидная заколка из круглого в сечении железного стержня, обтянутого листовым золотом (Акишев 1978: 70—72). Нужно иметь в виду то, что изделие с нанесённой на него сценой из мог. Таугуль специально предназначалось для обёртывания стержня шпильки или жезловидного предмета — размеры, расположение фигур, идеальное вписывание в рамки предмета, форма предмета. Оно расположено вдоль стержня жезла, вокруг оси и замкнуто поперёк. Этим отличается от жезловидного предмета из кургана Тенлик, где стержень имеет гладкую поверхность.

Выводам К.А. Акишева созвучны высказывания Е.С. Богданова о том, что на выбор средств и приёмов художественного воплощения влияли и такие факторы, как существовавшие на определённых территориях изобразительные традиции и «художественные школы», формирующие эстетические пристрастия и понятие «красоты» (2011: 28).

Можно увидеть в представленном изделии, характерном для сакского периода Жетысу, как сюжетные, так и стилистические параллели с искусством населения пазырыкской культуры, а также, как отмечал еще К.А. Акишев, влияние искусства Передней Азии, ахеменидского Ирана. А.З. Бейсенов для территории Жетысу на основании ряда признаков выделяет иссыкскую культуру VI (V) — III вв., до н.э., синхронную с пазырыкской культурой Алтая (Бейсенов и др. 2018: 158; 2020). Племена, населявшие регион Жетысу; северные склоны Иле Алатау, были связаны транзитными маршрутами с Горным Алтаем, Иссык-Кульской котловиной, Средней и Передней Азией.

Результаты палеоантропологических исследований показывают, что физический облик скифо-сакского населения был разнообразным не только на обширном пространстве их расселения, но и внутри отдельных степных, лесостепных и предгорных зон Евразии. В основном, мнения исследователей расходятся при реконструкции расо- и морфогенетических процессов, протекавших в указанных районах и, в частности, при определении роли и доли слагающих компонентов местных и пришлых групп в формировании той или иной популяции. Несмотря на палитру взглядов по формированию антропологических типов скифо-сакских племён, можно заметить общую точку зрения многих исследователей, которая сводится к тому, что имеется непосредственная взаимосвязь популяций эпохи раннего железа Евразии в меридиональном направлении и наоборот.

Например, на основе результатов многомерного статистического анализа наблюдается стабильное сближение пазырыкской серии с населением Юго-Восточного Казахстана IV—III вв. до н.э. и Центрального Тянь-Шаня, Синьцзяня (Чжаосу), а для женской серии также с населением сакской культуры Восточного Казахстана, Синьцзяня и Северо-Западной Монголии (Алагоу, Улангом) реконструируется на основе антропологических исследований (Чикишева 2000: 117). Надо отметить, что, по предположению Т.А. Чикишевой, племена Горного Алтая уже со второй половины II тыс. до н.э. контактировали со скотоводческим

населением северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии (Чикишева 2000: 112—113). В целом, предлагается вывод: пазырыкцы близки к населению, проживавшему в сопредельных регионах Западного Саяна, саков и усуней Центрального и Восточного Тянь-Шаня, Юго-Западного Алтая, Джунгарского Алатау, Алайской долины и Восточного Приаралья (Чикишева 2000: 120). Позднее автором ещё раз было отмечено, что переднеазиатские связи древнего населения Горного Алтая имеют длительную историю и, кроме очевидных взаимодействий скифо-сакских популяций, она восходит к контактам с полуоседлыми племенами скотоводов Парфии, Маргианы и Северной Бактрии (Чикишева 2012: 169).

В результате анализа краниологических материалов сакского времени сделано утверждение о передвижении европеоидно-монголоидного населения из более северных и восточных регионов сначала в Восточный Казахстан, а затем уже в Притяньшанье и Алай. Кроме этого, на черепах притяньшанских саков были выявлены следы непреднамеренной искусственной «бешиковой» деформации затылочного типа, ближайшие аналогии которого зафиксированы среди находок Павлодарского Прииртышья, Западной и Южной Сибири (Китов и др. 2019: 156—157).

По данным Т.К. Ходжайова, сакские племена Восточного и Центрального Казахстана, Юго-Восточного Приаралья, Тянь-Шаня, Алая и Северного Туркменистана имеют в своей основе однородный антропологический комплекс. Кроме того, автором приводятся два варианта путей миграций насельников степи, реконструированных по данным антропологических источников. Первый из них проходил через Приаралье и Восточный Прикаспий в Южный Туркменистан и Северный Афганистан. Второй — из Приаралья через Центральные Кызылкумы в Южный Согд и Северную Бактрию. Автор также обращает внимание на наличие лобно-затылочной деформации среди населения пришлых групп, которая в Приаралье была известна ещё с середины I тыс. до н.э. Затем данная традиция распространяется с II в. до н.э. среди жителей Согда, Северной Бактрии и Маргианы (Ходжайов 2008: 146).

Рядом исследователей допускается существование более ранних трансконтинентальных контактов между цивилизациями Древнего Востока и населением Великой степи. Для раннесакского периода — на основе анализа художественных изделий из кургана Аржан-2 (середина — вторая половина VII в. до н.э.) К.В. Чугуновым высказана гипотеза формирования традиций торевтики наиболее сложных по технологии производства предметов на основе школы металлообработки эпохи бронзы Бактрии и Маргианы, на базе культурного наследия бактрийско-маргианского археологического комплекса (далее — БМАК) (Чугунов 2016).

О влиянии популяций с территории БМАК в более ранний период на население Алтая и Северного Тянь-Шаня, участие южного компонента в сложении культур ранних кочевников на территории Казахстана, усилившееся в промежуток 600—400 гг. до н.э. и продолжившееся в период IV—I вв. до н.э. — на племена пазырыкской культуры и саков, свидетельствуют результаты исследований изменения генофонда популяций, населявших территорию древней Центральной Азии. Авторы также отмечают, что по мнению ученых, возможной причиной упадка культур среднего и позднего бронзового века и появления скифов, наряду с таким важным фактором как увлажнение климата, могут быть и последствия социально-экономического давления со стороны земледельческих цивилизаций Бактрии и Маргианы. В целом, население железного века является более гетерогенной по сравнению с гомогенными группами предшествующего времени, в первую очередь за счет присутствия в них как восточных, так и южных компонентов (Gnecchi-Ruscone et al. 2021).

З. Самашев полагает, что на формирование пазырыкской общности могли оказать влияние события, происходившие после создания Ахеменидской державы, положение в древнекитайских царствах, воздействие после смерти Александра Македонского со стороны Греко-Бактрийского царства и других государств Срединного Востока. До похода Александра контакты пазырыкцев могли поддерживаться с Бактрией, Согдом и Хорезмом, номинальными сатрапиями Ахеменидов (Самашев 2011: 200).

Традиционные связи саков с Передней Азией, торговые и политические отношения между сакским миром и народами Северо-Западной Индии, Передней Азии, юга Средней Азии нарушились в ходе военной кампании Александра Македонского и падения Персидской империи. Около 325—300 гг. до н.э. произошла переориентация связей на Китай, активизировались контакты с кочевниками Джунгарии (Шульга 2011: 373—374). Примером культурных контактов жителей Жетысу с Китаем является фрагмент шёлковой ткани из кургана 133, могильная яма 2 мог. Каратума (IV—начало II в. до н.э.) (Орфинская, Усманова 2016).

Некоторые предметы — котёл с ножкой в виде грифона, поглощающего ногу лошади, видимо, также демонстрируют контакты с восточными по отношению к Жетысу областями. Датировки, полученные с предметов так называемых культовых бронз Семиречья, — анализировался нагар с котла с жертвенного стола (район п. Турген) — дали датировку cal BCE 381—208 и cal BCE 360—198 (IV — конец III в. до н.э. и вторая половина IV — рубеж III—II в. до н.э.) (Джумабекова, Базарбаева 2013: табл. 2). В кургане № 3 мог. Улжан на территории г. Алматы был выявлен медный котёл, датировка соседнего кургана № 2 показала 370—110 cal BCE (Амиров 2008; Базарбаева 2017: табл. 1).

Нужно отметить, что хронологически курганы пазырыкской культуры Восточного Казахстана, Юго-Восточного Алтая и примыкающих территорий Монголии сооружены по данным дендрохронологии в период около 326—275 гг. до н.э., характеризующийся резким увеличением населения и расширением её ареала. Предполагается, что в это время устанавливаются торговые пути между Китаем и Алтаем и рушатся существовавшие отношения региона с сакским миром и Индией.

В целом, время сооружения курганов Пазырыка — 300—250 гг. до н.э. Некоторые курганы плато Укок — более ранние, чем Пазырык-1, 2 (сооружались с 326 или 314 г. до н.э.). По наблюдению специалистов, более ранние сооружения — Первый и Второй Пазырыкские курганы демонстрируют связи с сакским миром и Передней Азией. Более поздние курганы Пазырык-3, 4 обнаруживают параллели в памятниках Синьцзяня. Курганы Пазырыка демонстрируют произошедшую около 325—300 г. до н.э. резкую переориентацию торговых и культурных связей с Передней Азии на Китай, активизируются связи с кочевниками Джунгарии. Курганы № 5 (с которым, может быть, у нас более близкие параллели), № 6 мог. Пазырык сооружены около 280—270 гг. до н.э. В Пятом Пазырыкском кургане, возможно, была погребена женщина из Китая (Шульга 2011: 373—374).

Однако, согласно другим данным, погребённая в Пятом Пазырыкском кургане женщина была родом из Восточного Казахстана или Юго-Западной Сибири. Попала в Горный Алтай «вследствие замужества, связанного с общим усилением западных связей культуры — и, судя по всему, в ущерб интенсивности сношений с юго-восточными соседями», предполагается, что переориентация обусловлена движением кочевых племён Казахстана и Средней Азии, вызванного падением державы Ахеменидов (Азбелев 2017: 57).

Учитывая, что материалы кургана Таугуль-3 и Иссык, видимо, старше Пазырыка, сооружены более чем на 100 лет раньше, а также отличие от стилистики культовых бронз Жетысу (с поправкой на материал, из которого изготовлены художественные изделия), возникает вопрос об этнокультурной принадлежности населения, оставившего культовые атрибуты (по-видимому, период их бытования довольно короткий), либо о социальной организации сакского общества, существовании слоя служителей культа.

Если рассматривать только предметы из металла, то можно увидеть, что при отсутствии в Жетысу находок изделий из органики, но при сравнении с Пазырыком изображения животных — более выразительные, экспрессивные, наполненные движением. Орнаментализм, свойственный изделиям населения региона, также ярко проявляется в Пазырыке благодаря материалу — дерево, кожа, войлок. В тоже время наблюдается близость в декоративности с замечательным памятником — мог. Филипповка (V—IV вв. до н.э.) и предметами из Сибирской коллекции Петра 1.

Е.Ф. Королькова делит филипповские находки на три группы по стилистическим характеристикам: первая представляет аналогии с искусством кочевников Казахстана и Зауралья; вторая — демонстрирует связь с кубанским звериным стилем; третья группа — зооморфным изображениям Алтая. Импортные вещи, связанные с ахеменидским Ираном, представляют самостоятельную группу. Отмечает «высшую степень декоративности и изощрённости линий и силуэтов» в этих предметах. Нужно добавить, что помимо отмеченных аналогий предметам звериного стиля из Филипповки в памятниках Алтая, Западного Казахстана и в Прикубанье (Королькова 2001: 40—41), можно говорить о параллелях в Жетысу.

Ранние кочевники были вовлечены в процессы, происходившие на территории сопредельных регионов, в том числе Ирана, Китая. На основе изучения и сопоставления археологических комплексов предполагается функционирование двух меридиональных торговых путей между земледельческими цивилизациями и кочевниками Сибири и Монголии: из Западной Азии через степи Казахстана в Горный Алтай, на Верхнюю Обь и Южный Урал (с VI в. до н.э.), угасший в начале III в. до н.э. после похода Александра Македонского на восток; и из Северного Китая в Южную Сибирь через Монголию (Shulga et al. 2021: 1178). Для времени господства Ахеменидской империи установлен период наибольшей стабильности южносибирских культур скифского типа (пазырыкской, саглынской и тагарской), рубеж IV—III вв. до н.э. — начало их трансформации вследствие завоеваний Александра Македонского в Средней Азии (20-е годы IV в. до н.э.), что привело к изменению этнокультурной ситуации в регионе (Савинов 1993: 129).

Археологические материалы, особенно такие как гребень с колесничным сюжетом из кургана № 6 мог. Таксай-I, свидетельствуют об активных коммуникациях и культурных контактах кочевников с Ассирией, Персией и другими регионами Передней Азии, их интеграции в составе империи Ахеменидов (Сдыков, Лукпанова 2013; Новоженов 2015: 187).

С.А. Яценко называет два региона, где обнаружены художественно оформленные предметы Ахеменидской империи, комплекты престижных ювелирных атрибутов ахеменидской аристократии — Юго-Западная Сибирь и Южный Урал. Это — дары представителям кочевой знати для поддержания торговли мехами (Яценко 2020).

Говоря о причинах попадания ахеменидских престижных ценностей на Южный Урал в V—IV вв. до н.э., предполагается, что они проникали в регион двумя волнами: в связи с участием южно-уральских номадов в подавлении египетского восстания Инара в 456—454 гг. до н.э., и — с событиями, последовавшими за гибелью ахеменидской державы и завоеванием Средней Азии Александром Македонским (Балахванцев 2016).

Помимо торговых отношений, известно, что саки платили дань царям династии Ахеменидов, поставляли в их армию воинов. Таким образом, мы можем предположить как влияние искусства Ахеменидского Ирана, так и тесное культурное взаимодействие населения Северного Тянь-Шаня (Иле Алатау) и Горного Алтая.

О находке в зверином стиле из кургана № 3 мог. Таугуль-3

Изделия, выполненные в зверином стиле, были обнаружены в кургане № 3 могильника Таугуль-3, расположенного в цепочке южнее объекта № 2. Погребальное сооружение представляет собой насыпь из земли и камня диаметром 23,1 м при высоте 2,5 м. В конструкции зафиксирована характерная черта для сакских курганов Жетысу — два «панциря» из галечника. Погребальная камера выявлена в центральной части подкурганной площадки. В профиль она имеет колоколовидную форму — на уровне материка её размеры составляют 2,47 × 1,45 м, в придонной части — 3,18 × 1,94 м. Могила ориентирована длинными стенками по линии ЗЮЗ—ВСВ. Заполнение ямы неоднородное, что обусловлено многочисленными ограблениями кургана. Верхняя часть могилы заполнена лёссовидным суглинком, также на разных уровнях встречаются камни, фрагменты костей и дерева. В некоторых местах сохранились слои глины, которыми были обмазаны стенки.

Погребальная камера кургана была ограблена, однако сохранившаяся часть погребального инвентаря представляет собой интересный комплекс. В него входят керамические сосуды разных типов, чаша из талька и две декоративные нашивки. Первоначально обе нашивки были идентичны, однако на момент раскопок одна из них была в плохо сохранившемся состоянии (рис. 8). Каждое изделие выполнено из цельного металлического листа жёлтого цвета и изображает два не симметрично смыкающихся крыла птицы. Крылья имеют заострённые концы и плавные линии изгибов, за счёт чего изделия обретают близкую к S-образной форму. На каждом крыле прослеживается изображение грифа с повёрнутой назад головой. Нижняя часть головы обозначена изогнутой линией, заканчивающейся завитком ниже и левее глаза, которую можно трактовать как ухо. Глаз передан в виде окружности, образованной тиснённым валиком с выпуклой точкой в центре. Птица имеет характерный изогнутый клюв. У птицы показаны крылья посредством тиснённых четырёх параллельных изогнутых линий, сходящихся к концу крыла. Парные изображения грифов не зеркальны. На данных изделиях можно увидеть характерную для сакского звериного стиля многослойность. Тиснённые изображения грифа, включая крылья, помещены внутрь изделий, представляющих, в свою очередь, крылья или имеющие форму крыла птицы.

Практически аналогичное изделие происходит из погребения одного из курганных могильников, находящихся в окрестностях г. Алматы, — Молалы или Шубарат. Авторами раскопок этих памятников на основе конструктивных особенностей погребальных сооружений и предметного комплекса предложена датировка (раскопки Б.Н. Нурмуханбетова и Ю.И. Трифонова, 1985—1986 гг.). Погребения мог. Молалы I имеют широкий хронологический диапазон, отдельные группы курганов отражают этапы функционирования могильника: VI в. до н.э.; V—IV вв. до н.э.; IV—III вв. до н.э.; II—I вв. до н.э.; Шубарат I: V—III вв. до н.э. и III—II вв. до н.э. (Нурмуханбетов, Трифонов 1989). В Каталоге Национального музея Республики Казахстан изделие опубликовано как нашивка из мог. Шубарат, III—II вв. до н.э. (Золото веков 2015: 146). Согласно другим данным, находка сделана при раскопках мог. Молалы, кург. № 21 (V—IV вв. до н.э.) (Самашев и др. 2007; Королькова 2006: табл. 47: 9).

На золотом штампованном изделии из мог. Молалы/Шубарат более чётко видны такие характерные для мифического существа черты, как мощный клюв с выделенной восковицей, большой круглый глаз с выпуклым зрачком, ухо, спиралью закручивающееся вверх. Конечности, скорее, показаны как ноги кошачьего хищника с широкими лапами. Фактура крыла, в отличие от нашивки из мог. Таугуль-3, дополнена по нижнему краю рядом поперечных подквадратных или прямоугольных выступов (по четыре на каждом крыле), передающих окончания маховых перьев. Таким образом, нашивки из мог. Молалы/Шубарат передают изображение мифического существа, грифона, так как помимо уха, у него присутствуют лапы хищника.

Близкие по форме изделия, изображающие смыкающиеся крылья, отмечены в кургане № 2 мог. Ак-Алаха I, датируемом V — началом IV в. до н.э. (Полосьмак 1994: 63, рис. 77). Н.В. Полосьмак трактовала их как крылья грифона, нашивавшиеся на статусный головной убор. Географически близкой аналогией для мог. Таугуль-3 являются раздельные несмыкающиеся крылья из головного убора «Золотого человека», курган Иссык (Акишев 1978: 84).

Изображения ушастых грифонов с гребнем и без него с повернутой назад головой украшают седельное покрытие из кургана № 1 мог. Ак-Алаха I (около 312 г. до н.э.) (Полосьмак 1994: рис. 51—53). Декор конского убранства в виде скульптурной вставной головки грифа на длинной шее с гребнем, с хохолком, вставленной в пластины, которые представляют собой два сложенных крыла, по сути, передают то же существо с повёрнутой назад головой, но объёмное (Полосьмак 1994: рис. 55, 58, 59, 64, и др.). Как видно из аналогий, золотые крылья, характерные для представителей «княжеского» или царского статуса, могли размещаться на головных уборах. Изображение хищной птицы с повёрнутой назад головой является весьма распространённым мотивом в сакском зверином стиле. В целом, изображения хищных птиц достаточно подробно классифицированы барнаульскими археологами (Уманский и др. 2005: 55). Важной деталью мифических орлов — образов из кургана № 3 мог. Таугуль-3 — является изображение уха при отсутствии

хохолка (середина VI — начало V в. до н.э.). Таким образом, выявленные нашивки являются типом изделий, характерным для погребальных памятников полосы культурных контактов по линии Жетысу — лесостепной и горный Алтай.

В кургане № 2, скорее, также присутствует изображение мифического орла. В кургане Иссык, помимо крыльев и целых фигур птиц на кулахе, присутствуют образы ушастых грифонов и стилизованные изображения грифона, которые появляются одновременно с мифическими орлами.

Нужно обратить внимание на то, что изображения хищных птиц с повёрнутой назад головой известны с раннесакского периода: Чиликты/Шиликты, курган № 5 (Черников 1965: табл. XIII, XIV), Талды 2, курган № 2 (Бейсенов 2014: 136), Аржан-2 (Чугунов и др. 2017: табл. 24, 46), в наскальных изображениях (Самашев 2006: 112; Бейсенов, Марьяшев, табл. XV; фото 5). С изображением мифического орла их сближает то, что голова его помещена в пределах общего контура птицы.

Нужно отметить явную декоративность, орнаментализм в изделиях как из кургана Иссык, так и Таугуль-3. Возможно, это свидетельствует об определённом этапе в развитии искусства, но в целом — характерная черта художественной культуры населения региона в этот период.

Материалы курганов Жетысу демонстрируют взаимоотношения, связь с Ираном и культурой Алтая, но и несомненную уникальность. В V—II вв. до н.э. территория Юго-Восточного Казахстана соседствовала с племенами, близкими пазырыкцам, с населением синкретичного варианта этой культуры и культурой содуньбулакэ сако-усуньского облика в бассейне р. Или. Население северной части Синьцзяна во второй половине IV в. до н.э. сближается в культурном отношении с носителями пазырыкской культуры Алтая, а население западной части — с саками и усунями Казахстана; сходство предметных комплексов и искусства звериного стиля скифоидных культур на территории Китая, Южной Сибири и Казахстана усиливается (Шульга 2020: 702—705). В этом отношении образцы звериного стиля на территории Юго-Восточного Казахстана, демонстрирующие общие черты искусства Алтая, Синьцзяня и Жетысу, подтверждают этот вывод.

Помимо образцов искусства, возможно, надо принимать во внимание такие факты, как погребальные конструкции. При несомненном сходстве сооружений саков Жетысу с Пазырыком, возможно объясняемым, в целом, общностью религиозно-мифологических концепций, можно привести и такую деталь, как использование дерева при сооружении погребальной камеры. В кургане Иссык она была построена из обработанных брёвен тянь-шаньской ели. Посуда размещена в южной и западной частях камеры, останки погребённого — в северной половине на дощатом полу, на спине, головой на запад. В кургане оказалось два захоронения: центральное и боковое (южное). Целым было южное захоронение (Акишев 1978: 15—16). В мог. Таугуль-3 также активно использовалось дерево — им перекрыта могильная яма, внутри прослежены остатки конструкций типа рамы на дне могильной ямы, в наземной части погребального сооружения зафиксировано применение глины, подготовленной особым образом. В Пазырыке активно использовалась лиственница — из неё построены срубы, саркофаги.

Погребальные традиции памятников кульсайского типа периода финальной бронзы горной зоны Жетысу (IX—VIII вв. до н.э.): использование глины для покрытия дна могильной ямы, сооружение погребальной камеры в виде рамы из брёвен, укрепление её стенок каменными выкладками — получили дальнейшее развитие в конструкциях сакских курганов региона. Использование дерева (рамы, срубы) выявлено в устройстве курганов в горных районах Северного Тянь-Шаня, в памятниках сакского времени Восточного Туркестана и Алтая, Синьцзяна. Близость материалов мог. Алагоу к Иссыку отмечена ранее (Погребова, Раевский 1988: 184—188, рис. 28, 29; Горячев 2009).

В памятниках Синьцзяня зафиксированы находки, например, в погребениях Алагоу, демонстрирующие явные соответствия изображениям кошачьих хищников, выявленных в курганах Иссык и Таугуль-3 (Qi Xiaoshan 2008: 130—131: No. 2—4, 6), там же есть и предметы,

обнаруживающие параллели с культовыми бронзами: оз. Барколь (Qi Xiaoshan 2008: 189: No. 4); Алтай (Qi Xiaoshan 2008: 227: No. 10); р. Или (Qi Xiaoshan 2008: 244: No. 6, 7).

Затрагивая ситуацию в Жетысу в период конца V – III–I вв. до н.э., нужно учесть датировку захоронения человека, лежащего ничком над ямой № 1 (южной), внутри которой выявлен сильный прокал, плотное заполнение из крупных валунов, можно предположить, что это искупительная жертва, совершённая после ограбления кургана иноплеменниками. Подобного рода жертвоприношение было зафиксировано при исследовании кургана № 5 могильника Улжан 2, расположенного в северо-западной части г. Алматы. В заполнении могильной ямы на глубине 1 м от уровня погребённой почвы был расчищен скелет человека, лежавший ничком, руки и ноги его были перекрещены. Судя по положению, можно сделать вывод, что они были связаны (Акылбек, Амиров 2009: 139). Данный индивид погиб насильственной смертью, о чём свидетельствует железный наконечник стрелы, застрявший между 16 и 17 позвонками. Расположение в заполнении ограбленной могильной ямы, характерная поза и следы насильственных действий иллюстрируют традицию искупительных жертвоприношений.

Возможно, к III в. до н.э. население саков Жетысу ощутило экспансию носителей пазырыкской культуры. Конец III — середина II в. до н.э. — период, когда на смену сакам Жетысу пришло другое население. Надо отметить, что, предположительно, в этот же период перестают функционировать предполагаемые святилища саков, представленные скоплениями медных котлов, жертвенных столов и курильниц. Их сохранность в предгорьях Иле Алатау предполагает, что культовые бронзы были оставлены с надеждой возвращения или невозможности увезти с собой.

По петроглифам западной части Жетысу (Чу-Илийское/Шу-Илейское междуречье) установлено перемещение групп кочевников из ареала пазырыкской и саглынской культур Саяно-Алтая и, вероятно, из северо-западных областей Китая (не ранее второй половины III в. до н.э.) по уже установившимся путям (Рогожинский 2016: 548). Эти наблюдения отражают изменения этнокультурной ситуации в огромном регионе. В этот же период, не позднее начала III в. до н.э. в Северной Бактрии сооружается разветвленная фортификационная система защиты северных границ земледельческих оазисов, в районе местонахождения горных проходов в плодородные долины (Двуреченская 2019).

Датировка захоронений собак (в том числе в грабительском лазе) позволяет высказать предположение о том, что курган был повторно ограблен в начале — первой половине XI в., животные были намеренно умерщвлены (?) и захоронены из-за опасения мести духа умершего.

Заключение

Таким образом, на изделии из кургана Таугуль-3 изображена сцена с двумя синкретическими существами — олень с рогами в виде грифов и кошачий хищник с крыльями. По мнению Д.В. Черемисина, создание образов синкретических существ связано с намерением акцентировать аспект непрерывности жизни и нового рождения, «условием которого служит смерть копытных в пасти хищников» (Черемисин 2008: 103).

На шпильке—жезловидном изделии из мог. Таугуль-3 представлен широко распространённый, характерный для искусства звериного стиля сюжет, — терзание хищником травоядного животного. В нём проявляются характерные черты композиционного решения сцены — заполнение всей поверхности изделия изображением, вписыванием его в форму изделия, орнаментализм, расчёт не просто на форму вещи, но и направление взгляда, плоская или не плоская поверхность (округлая). Но в качестве жертвы здесь выступает не просто травоядное животное, а существо, несколько схожее с оленями на татуировке мужчины из Второго Пазырыкского кургана (Руденко 1953: рис. 82; 83) — с клювом и отростками рогов, оканчивающимися головками грифов, с вывернутым крупом —

клювоголовым оленем, чей образ известен не только на Алтае, но и в Тыве, Монголии, Северном Китае (Полидович 2015: 111—112).

Возможно, представленные находки подтверждают существование традиционных меридиональных путей, связывающих Горный Алтай с Передней Азией и югом Средней Азии, через Среднюю Азию и Казахстан. Учитывая хронологический разрыв между курганами мог. Иссык, Таугуль-3 и Пазырык, предположительно находки демонстрируют влияние Ахеменидского Ирана на Алтай через племена, населявшие регион Жетысу; северные склоны Иле Алатау, связывающие его транзитными маршрутами с Иссык-Кульской котловиной, Средней и Передней Азией. В то же время, необходимо сопоставить художественные изделия и определить аспекты использования культовых бронз региона.

Литература

Азбелев П.П. 2013. К изучению пазырыкских татуировок. В: Соенов, В.И. (отв. ред.). *Древности Сибири и Центральной Азии.* Вып. 5. Горно-Алтайск: ГАГУ, 78—82.

Азбелев П.П. 2015. Пазырыкское наследство и юэчжийская проблема. *Stratun plus,* 4, 23—55.

Азбелев П.П. 2017. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний. В: Мальцева С.В. Станюкович-Денисова Е.Ю., Захарова А.В. (ред.). *Актуальные проблемы теории и истории искусства*: сборник научных статей. Вып. 7. Санкт-Петербург: СПбГУ, 51—60.

Акишев К.А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Амиров Е.Ш. 2008. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги). *Известия НАН РК. Серия общественных наук,* 1, 29—34.

Амиров и др. 2024: Амиров Е.Ш., Сейткалиев М.К., Умиткалиев Д.Б., Ахметов И.Д. 2024. Аварийные раскопки на могильнике Таугуль-3 (к проблеме сохранения историко-культурного наследия). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 3 (25), 87—99.

Артамонов М.И. 1973. *Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото*. Москва: Искусство.

Базарбаева Г.А. 2017. Памятники сакского времени Жетысу. В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Казахстан в сакскую эпоху.* Алматы: ИА КН МОН РК, 157—178.

Байтанаев Б.А. 2019. Курган Урджар: история открытия и некоторые итоги исследования. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 2 (4), 9—22.

Балахванцев А.С. 2016. Ахеменидский Иран и Южный Урал в V—IV в. до н.э. В: Яблонский Л.Т., Краева Л.А. (отв. ред.). *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии.* М-лы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова (г. Оренбург, 12—15 мая 2016 года): сборник статей. Оренбург: ОГПУ, 40—43.

Баркова Л.Л., Панкова С.В. 2005. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов: (новые материалы). *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (22), 48—59.

Баркова Л.Л., Полосьмак Н.В. 2005. *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н.э.)*. Новосибирск: Инфолио.

Бейсенов А.З. 2014. *Древние сокровища Сарыарки*. Книга-альбом. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола».

Бейсенов А.З. 2020. Археолог Б. Нұрмұханбетов және Есік өңірі ескерткіштерін зерттеу мәселесі (Археолог Б. Нурмуханбетов и проблемы изучения памятников Иссыка). В: Мухтарова Г.Р. (отв. ред.). *I Иссыкские чтения: Золотой человек и проблемы археологии кочевников степного пояса Евразии*: материалы международной научно-практической онлайн-конференции (20 ноября 2020 г.), посвящённой 50-летию открытия «Золотого человека», 10-летию создания ГИКЗМ «Иссык» и 85-летию со дня рождения археолога Б.Н. Нурмуханбетова. Есик: ГИКЗМ «Иссык», 34—51.

Бейсенов и др. 2018: Бейсенов А., Дуйсенбай Д., Китов Е., Кулькова М. 2018. Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу. *Теория и практика археологических исследований* 3 (23), 138—162.

Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. 2014. *Петроглифы раннего железного века Жетысу.* Алматы: ИА КН МОН РК.

Бейсенов и др. 2023: Бейсенов А.З., Паничкин А.В., Шашенов Д.Т. 2023. Железный топор из тасмолинского кургана могильника Кызылжартас: результаты металлографического и химического анализов. *МАИАСП* 15, 102—120.

Бисембаев и др. 2019: Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Ахатов Г.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Баиров Н.М., Амелин В.А. 2019. Работы последних лет на памятниках ранних кочевников Илекского микрорайона (предварительные итоги). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (3), 99—115.

Богданов Е.С. 2006. *Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Богданов Е.С. 2011. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *«Terra Scythica»: материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 23—28.

Богданов Е.С., Кузнецов Д.В. 2001. Ордосские художественные бронзы. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2 (6), 104—111.

Боковенко Н.А. 2014. Образ оленя в искусстве ранних кочевников Центральной Азии: тенденции развития и интерпретации. В: Деревянко В.И., Макаров Н.А., Ситдиков А.Г. (отв. ред.). Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (г. Казань, 20—25 октября 2014 г.). Т. IV. Казань: Отечество, 5—7.

Горячев А.А. 2009. О погребальном обряде поздней и финальной бронзы в памятниках кульсайского типа горной зоны Семиречья. В: Павлинская Л.Р. (ред.). *Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*. Кн. I. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 138—145.

Двуреченская Н.Д. 2019. К вопросу о северной границе Бактрии в эллинистическую эпоху. В: Балахванцев А.С., Маккавеев Н.А. (отв. ред.). *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура*. Материалы международной научной конференции, посвящённой памяти Б.А. Литвинского (г. Москва, 16—18 апреля 2018 г.). Москва: ИВ РАН, 99—113.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. 2013. *Художественные бронзы Жетысу*. Алматы: ИА КН МОН РК.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. 2019. Высокохудожественная вышивка в декоре конского снаряжения из элитного погребения в Казахском Алтае. *Поволжская археология* 3 (29), 115—127.

Дмитриев и др. 2022: Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Макен А.Б., Шохатаев О.С. 2022. Детское погребение и новые данные радиоуглеродного датирования памятников раннего железного века Центрального Казахстана. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1, 98—109.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. Симферополь: ООО «Антиква» (Археологические памятники Северного Причерноморья 1).

Золото веков 2015: Мынбай Д.К. (отв. ред.). 2015. *Золото веков. Коллекция предметов из золота и серебра Национального музея. Каталог*. Астана: НМ РК; Фолиант.

Китов и др. 2019: Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. 2019. *Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII — первая половина II в. до н.э.)*. Алматы: ИА КН МОН РК.

Королькова Е.Ф. 2001. Филипповские курганы и звериный стиль. В: Пиотровский М.Б. (ред.). *Золотые олени Евразии*. Санкт-Петербург: Славия, 40—41.

Королькова Е.Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Лукпанова Я.А. 2022. Исследования курганного комплекса Урысай-2. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 2 (16), 74—93.

Максимова А.Г. 1978. В: Акишев К.А. (отв. ред.). Еще один курган Иссыкского могильника Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 188—193.

Новоженов В.А. 2015. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев). В: Бейсенов А.З. (отв. ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева*. Алматы: ИА КН МОН РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 171—193.

Нуржанов и др. 2020: Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О раскопках кургана позднесакского времени в Алматы (краткие результаты полевых исследований 2020 года). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 4, 70—95.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. 1989. Новые памятники сакского времени близ г. Алма-Аты. В: Добжанский В.Н. (отв. ред.). *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тезисы Всесоюзной археологической конференции (г. Москва, 5—7 мая 1989 г.)*. Ч. 1. Кемерово: КемГУ, 57—61.

Онгарулы и др. 2020: Онгарулы А., Каирмагамбетов А., Нускабай А., Рахимжанова С. 2020. Курган военной элиты саков. *ПА* 3 (33), 233—247.

Онгарулы и др. 2023: Онгарулы А., Мамиров Т.Б., Мерц И.В. 2023. Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2022 год. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (19), 222—232.

Онгарулы и др. 2024: Онгарулы А., Мамиров, Т.Б., Касенова А.Д. 2024. Краткие итоги деятельности Института археологии имени А.Х. Маргулана за 2023 год. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (23), 368—388.

Орфинская О.В., Усманова Э.Р. 2016. Шелковая ткань V—III вв. до н.э. из могильника Каратума. Приложение 5. В: Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 653—654.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1988. Ранний железный век. *Восточный Туркестан в древности и средневековье (Очерк истории)*. Москва: ГРВЛ, 156—189.

Полидович Ю.Б. 2002. Природное и мифологическое в скифских изображениях (на примере позиций хвоста хищников). В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии.* Т. 1. Донецк: ДонНУ, 189—206.

Полидович Ю.Б. 2006. Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода. В: Евглевский А.В. (гл. ред.). *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Т. 3. Донецк: ДонНУ, 355—398.

Полидович Ю.Б. 2015. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира. В: Литвиненко Р.О. (гол. ред.). *Донецький археологічний збірник*. № 19. Вінниця: Донецкий университет, 85—142.

Полосьмак Н.В. 1994. *Стерегущие золото грифы*. Новосибирск: Наука.

Полосьмак Н.В. 2000. *Всадники Укока.* Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.

Рогожинский А.Е. 2016. Незадолго до Чжан Цяня: после движения номадов из центра Азии на Западе в последние века до нашей эры. В: Деревянко А.П., Молодин Е.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 527—549.

Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское вре*мя. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко С.И. 1962. *Сибирская коллекция Петра I*. Москва; Ленинград: АН СССР (САИ Д3-9).

Руденко С.И., Руденко Н.М. 1949. *Искусство скифов Алтая*. Москва: ГМИИ.

Савинов Д.Г. 1993. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху. В: Гадло А.В. (предисл.). *Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии.* Вып. 4. Санкт-Петербург: СПбГУ, 128—135.

Савинов Д.Г. 2018. Иерархия копытных животных в искусстве саяно-алтайского звериного стиля. В: Леванова Е.С., Смирнов Н.Ю. (отв. ред.). *ДИАЛОГ 2017—2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург, 6—7 декабря 2017 г.; г. Москва, 6—7 декабря 2018 г.)*. Москва: ИА РАН, 32—51.

Самашев З. 2006. *Петроглифы Казахстана*. Алматы: Онер.

Самашев З. 2011. *Берел.* Алматы: Издательский дом «Таймас».

Самашев и др. 2007: Самашев З., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Онгар А. *Древнее золото Казахстана*. Алматы: Онер.

Самашев и др. 2023: Самашев З., Чотбаев А.Е., Бесетаев Б.Б. 2023. Новые данные о снаряжении лошади раннесакского времени (по материалам кургана № 1 могильника Акжайлау, Восточный Казахстан). *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 2 (20), 9—29.

Сарианиди В.И. 1989. *Храм и некрополь Тиллятепе*. Москва: Наука.

Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. 2013. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере курганного комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис.

Слюсаренко И.Ю. 2011. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 239—251.

Тасмагамбетов И.Н. 2005. *Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников*. Алматы: Общественный фонд «Берел».

Уманский и др. 2005: Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. *Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби*. Барнаул: Алтайский университет.

Утубаев Ж.Р., Аккалиева А.Ш. 2024. Ювелирные изделия саков Юго-Восточного Приаралья. *Археология Казахстана (Казакстан археологиясы)* 1 (23), 9—26.

Ходжайов Т.К. 2008. Антропологическая характеристика территориальных групп населения Восточного Памира в сакское время. *Археология, этнография и антропология Евразии* 3, 143—156.

Шульга П.И. 2011. О контактах населения верхней Оби и Горного Алтая с Синьцзяном и Северным Китаем в VIII—III вв. до н.э. В: Молодин В.И., Хансен С. (отв. ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 370—378.

Шульга П.И. 2020. Культуры раннего железного века в Китае как часть скифского мира. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XXVI, 702—706.

Черемисин Д.В. 2008. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве. В: Савинов Д.Г., Советова О.С. (ред.). *Тропою тысячелетий. К юбилею М.А. Дэвлет*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 99—105. (Тр. САИПИ; Вып. IV).

Черников С.С. 1965. *Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство»*. Москва: Наука.

Чикишева Т.А. 2000. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4, 107—121.

Чикишева Т.А. 2012. *Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Чугунов К.В. 2016. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2. В: Балахванцев А., Кулланда С. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Москва: ИВ РАН, 242—247.

Чугунов и др. 2017: Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. *Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Яценко С.А. 2020. Ювелирные изделия ахеменидского Ирана на территории степных кочевников. В: Лавренова О.А. (отв. ред., сост.). *Россия-Восток: взаимодействие в искусстве*. Сборник статей. Москва: Согласие, 135—143.

Gnecchi-Ruscone et al. 2021: Gnecchi-Ruscone G.A,, Khussainova E., Kahbatkyzy N., Musralina L., Spyrou M.A., Bianco R.A., Radzeviciute R., et al. Ancient Genomic Time Transect from the Central Asian Steppe Unravels the History of the Scythians. *Science Advances* 7 (13). DOI: 10.1126/sciadv.abe4414.

Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes 2002: Bunker E.C., Watt J.C.Y., Zhixin Sun. 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other Notable New York Collections*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press.

Qi Xiaoshan. 2008. *The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road — Sichou zhilu: Xinjiang gudai wenhua*. Xinjiang: Xinjiang People's Publishing House (in Chinese).

Samashev Z. 2021. *The illustrious culture of the early nomads in the Kazakh Altai. In: Gold of the Great Steppe. People, Power and Production. First published to accompany the exhibition at the Fitzwilliam Museum*. Cambridge: Paul Holberton Publishing, 11—65.

Shulga et al 2021: Shulga P.I., Shulga D.P., Hasnulina K.A. 2021. Genesis of the Silk Road and Its Northern Directions. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 14 (8), 1167—1181.

References

Azbelev, P.P. 2013. In: Soyonov, V.I. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)*. Iss. 5. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 78—82 (in Russian).

Azbelev, P.P. 2015. In *Stratum plus* 4, 23—55 (in Russian).

Azbelev, P.P. 2017. In: Maltseva, S.V., Stanyukovich-Denisova, E.Y., Zakharova, A.V. (eds.). *Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual problems of the theory and history of art*). Iss. 7. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 51—60.

Akishev, K.A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk kurgan. Art of the Sakas of Kazakhstan).* Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Amirov, E.S. 2008. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennych nauk (News of the National Academy of Sciences RK. Social sciences ser.)* 1, 29—34.

Amirov et al. 2024: Amirov, Y., Seitkaliev, M., Umitkaliev, D., Akhmetov, I. 2024. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 3 (25), 87—99 (in Russian).

Artamonov, M.I. 1973. *Sokrovishcha sakov. Amu-Dar'inskiy klad. Altaiskie kurgany. Minusinskie bronzy. Sibirskoe zoloto* (*Treasures of the Sakas. The Amudarya treasure. Altai mounds. Minusinsk bronzes. Siberian gold*). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Bazarbayeva, G.A. 2017. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Kazahstan v sakskuyu epohu* (*Kazakhstan in the Saka era)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 157—178.

Baitanayev, B.A. 2019. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (4), 9—22 (in Russian).

Balakhvantsev, A.S. 2016. In: Yablonskiy, L.T., Kraeva, L.A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arheologii* (*Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archaeology*). Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 40—43 (in Russian).

Barkova, L.L., Pankova, S.V. 2005. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*) 2 (22), 48—59 (in Russian).

Barkova, L.L., Polosmak, N.V. 2005. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV—III vv. do n.e.) (Costume and textiles of the Pazyryk people of Altai (4th—3rd centuries BCE)).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2014. *Drevnie sokrovishcha Saryarki — The ancient treasures of Saryarka*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Begazy-Tasmola (in Kazakh, Russian, English).

Beisenov, A.Z. 2020. In: Mukhtarova, G.R. (ed.). *I Issykskie chteniya (1st Issyk readings).* Esik: "Issyk" State Historical and Cultural Reserve Museum, 34—51 (in Kazakh).

Beisenov et al. 2018: Beisenov, A., Duisenbay, D., Kitov, E., Kulkova, M. 2018. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 3 (23), 138—162 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Maryashev, A.N. 2014. *Petroglify rannego zheleznogo veka Zhetysu (Petroglyphs of the Early Iron Age of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Beisenov et al. 2023: Beisenov, A.Z, Panichkin, A.V., Shashenov, D.T. 2023. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials on archaeology and history of the ancient and medieval Black Sea region)* 15, 102—120 (in Russian).

Bissembaev et al. 2019: Bissembaev, A.A., Khavansky, A.I., Akhatov, G.A., Duisengali, M.N., Mamedov, A.M., Bidagulov, N.T., Urazova, A.B., Bairov, N.M., Amelin, V.A. 2019. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (3), 99—115 (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2006. *Obraz hishchnika v plasticheskom iskusstve kochevyh narodov Tsentralnoy Azii (skifo-sibirskaya hudozhestvennaya traditsiya*) (*The image of a predator in the plastic art of the nomadic peoples of Central Asia (Scythian-Siberian artistic tradition*)). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *Terra Scythica.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 23—28 (in Russian).

Bogdanov, E.S., Kuznetsov, D.V. 2001. In *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2 (6), 104—111 (in Russian).

Bokovenko, N.A. 2014. In: Derevyanko, V.I., Makarov, N.A., Sitdikov, A.G. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan*). Vol. IV. Kazan: Otechestvo, 5—7 (in Russian).

Goryachev, A.A. 2009. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorii (Siberian collection-1. The funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories*). Bk. I. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, 138—145 (in Russian).

Dvurechenskaya, N.D. 2019. In: Balakhvantsev, A.S., Makkaveev, N.A. (eds.). *Epoha imperii. Vostochnyi Iran ot Ahemenidov do Sasanidov: istoriya, arheologiya, kultura* (*The Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanids: history, archaeology, culture).* Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 99—113 (in Russian).

Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2013. *Khudozhestvennye bronzy Zhetysu (Artistic bronzes of Zhetysu).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2019. *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archaeology)* 3 (29), 115—127 (in Russian).

Dmitriev et al. 2022: Dmitriev, E.A., Kukushkin, A.I., Maken, A.B., Shohataev, O.S. 2022. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1, 98—109 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoi epohi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The art of the animal style of the Sarmatian era (2nd century BCE — the beginning of the 2nd century CE)).* Simferopol: Antiqua (in Russian).

Mynbai, D.K. (ed.). 2015. *Zoloto vekov. Kollektsiya predmetov iz zolota i serebra Natsionalnogo muzeya. Katalog (The gold of the ages. The collection of gold and silver objects of the National Museum. Catalog).* Astana: National Museum of the Republic of Kazakhstan; Folio (in Russian, Kazakh, English).

Kitov et al. 2019: Kitov, E.P., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2019. *Paleoantropologiya sakskih kultur Prityan'shan'ya (VIII — pervaya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Saka cultures of Prityanshan (8th — the first half of the 2nd century BCE)).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Korolkova, E.F. 2001. In: Piotrovskiy, M.B. (ed.). *Zolotye oleni Evrazii (Golden deer of Eurasia).* Saint Petersburg: Slaviya, 40—41 (in Russian).

Korolkova, E.F. 2006. *Zverinyi stil Evrazii. Iskusstvo plemyon Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII—IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokulturnoi prinadlezhnosti (The animal style of Eurasia. The art of the tribes of the Lower Volga river region and the Southern Urals in the Scythian era (7th—4th centuries BCE). Problems of style and ethnocultural affiliation).* Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

Lukpanova, Y. A. 2022. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (16), 74—93 (in Russian).

Maximova, A.G. 1978. In: Akishev, K.A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana* (*Archaeological sites of Kazakhstan).* Alma-Ata: Nauka, 188—193 (in Russian).

Novozhenov, V.A. 2015. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnyh protsessov Stepnoi Evrazii (The Saka culture of Saryarka in the context of studying the ethnosociocultural processes of Steppe Eurasia).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Begazy-Tasmola, 171—193 (in Russian).

Nurzhanov et al. 2020: Nurzhanov, A.A., Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2020. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4, 70—95 (in Russian).

Nurmukhanbetov, B.N., Trifonov, Y.I. 1989. In: Dobzhansky, V.N. (ed*.). Problemy arheologii skifo-sibirskogo mira (sotsialnaya struktura i obshchestvennye otnosheniya) (Problems of archaeology of the Scythian-Siberian world (social structure and social relations))*. Pt. 1. Kemerovo: Kemerovo State University, 57—61 (in Russian).

Onggaruly et al. 2020. Onggaruly, A., Kairmagambetov, A., Nuskabay, A., Rakhimzhanova, S. 2020. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region archaeology)* 3 (33), 233—247 (in Russian).

Onggaruly et al. 2023: Onggaruly, A., Mamirov, T.B., Merts, I.V. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (19), 222—232 (in Russian).

Onggaruly et al. 2024: Onggaruly, A., Mamirov, T.B., Kasenova, A.D. 2024. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (23), 368—388 (in Russian).

Orfinskaya, O.V., Usmanova, E.R. 2016. In: Baipakov, K.M., Voyakin, D.A., Zakharov, S.V. *Mogilnik Karatuma*. *Nekropol rannego zheleznogo veka v Semirech'e (Karatuma Burial ground. The necropolis of the Early Iron Age in Semirechye).* Almaty: Arheologicheskaya ekspertiza, 653—654 (in Russian).

Pogrebova, M.N., Raevsky, D.S. 1988. In: *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i srednevekov'e (Ocherk istorii) (East Turkestan in antiquity and the Middle Ages (An essay on history)*). Moscow: GRVL, 156—189 (in Russian).

Polidovich, Y.B. 2002. In: Yevglevsky, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii (Structural and semiotic studies in archaeology).* Vol. 1. Donetsk: Donetsk National University, 189—206 (in Russian).

Polidovich, Y.B. 2006. In: Yevglevsky, A.V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii (Structural and semiotic studies in archaeology).* Vol. 3. Donetsk: Donetsk National University, 355—398 (in Russian).

Polidovich, Y.B. 2015. In: Litvinenko, R.O. (ed.). *Donetskii arheologichnii zbirnik (Donetsk archaeological collection)* 19. Vinnitsa: Donetsk University, 85—142 (in Russian).

Polosmak, N.V. 1994. *Steregushchie zoloto grify (Gold-hoarding griffins).* Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Polosmak, N.V. 2000. *Vsadniki Ukoka (The riders of Ukok).* Novosibirsk: INFOLIO-press (in Russian).

Rogozhinsky, A.E. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, E.I. (eds.). *Altai v krugu evraziyskih drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 527—549 (in Russian).

Rudenko, S.I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Altai Mountains in the Scythian period*). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Rudenko, S.I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya (Culture of the population of the Central Altai in the Scythian period).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Rudenko, S.I. 1962. *Sibirskaya kollektsiya Petra I (Siberian collection of Peter I).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (Corpus of Archaeological Sources D3-9) (in Russian).

Rudenko, S.I., Rudenko, N.M. 1949. *Iskusstvo skifov Altaya (The art of the Scythians of Altai*). Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts (in Russian).

Savinov, D.G. 1993. In: Gadlo, A.V. (foreword). *Istoricheskaya etnografiya. Problemy arheologii i etnografii (Historical ethnography. Problems of archaeology and ethnography)*. Iss. 4. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 128—135 (in Russian).

Savinov, D.G. 2018. In: Levanova, E.S., Smirno, N.Y. (eds.). *DIALOG 2017—2018. Dihotomiya iskusstva v arheologii: lokus, obrazy, genezis (DIALOGUE 2017—2018. The dichotomy of art in Archaeology: locus, images, genesis*). Moscow: Institute of Archaeology RAS, 32—51 (in Russian).

Samashev, Z. 2006. *Petroglify Kazahstana (Petroglyphs of Kazakhstan)*. Almaty: Oner (in Russian).

Samashev, Z. 2011. *Berel*. Almaty: Taimas (in Russian).

Samashev et al. 2007: Samashev, Z., Jumabekova, G., Bazarbayeva, G., Onggar, A. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient gold of Kazakhstan).* Almaty: Oner (in Russian).

Samashev et al. 2023: Samashev, Z., Chotbayev, A.E., Besetayev, B.B. 2023. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (20), 9—29 (in Russian).

Sarianidi, V.I. 1989. *Hram i nekropol Tillyatepe (Temple and necropolis of Tillyatepe*). Moscow: Nauka (in Russian).

Sdykov, M.N., Lukpanova, Y.A. 2013. *The early nomads of West Kazakhstan (by the example of the Taksai I mound complex).* Uralsk: Poligrafservis (in Kazakh, Russian, English).

Slyusarenko, I.Y. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *Terra Scythica*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 239—251 (in Russian).

Tasmagambetov, I.N. 2005. *Kentavry Velikoy stepi. Khudozhestvennaya kultura drevnih kochevnikov (Centaurs of the Great Steppe. The artistic culture of the ancient nomads)*. Almaty: Berel (in Russian).

Umansky et al. 2005: Umansky, A.P., Shamshin, A.B., Shulga, P.I. 2005. *Mogilnik skifskogo vremeni Rogoziha-1 na levoberezh'e Obi (Rogoziha-1 Scythian burial ground on the left bank of the Ob River*). Barnaul: Altai University (in Russian).

Utubayev, Z.R., Akkaliyeva, A.S. 2024. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (23), 9—26 (in Kazakh).

Hodjayov, T.K. 2008. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 3, 143—156 (in Russian).

Shulga, P.I. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *Terra Scythica.* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 370—378 (in Russian).

Shulga, P.I. 2020. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyh territoriy (Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)* XXVI, 702—706 (in Russian).

Cheremisin, D.V. 2008. In: Savinov, D.G., Sovetov, O.S. (eds.). *Tropoyu tysyacheletiy. K yubileyu M.A. Devlet (Path of millennia. For the anniversary of M.A. Davlet)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 99—105 (in Russian).

Chernikov, S.S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' "skifskoe iskusstvo" (The mystery of the Golden kurgan. Where and when the "Scythian art" originated).* Moscow: Nauka (in Russian).

Chikisheva, T.A. 2000. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 4, 107—121 (in Russian).

Chikisheva, T.A. 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epohi neolita — rannego zheleza (Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Chugunov, K.V. 2016. In: Balakhvantsev, A., Kullanda, S. (eds.). *Kavkaz i step' na rubezhe epohi pozdney bronzy i rannego zheleza (The Caucasus and the Steppe at the turn of the Late Bronze and Early Iron Ages)*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 242—247 (in Russian).

Chugunov et al. 2017: Chugunov, K.V., Parzinger, G., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The Royal burial kurgan of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2020. In: Lavrenov, O.A. (ed.). *Rossiya—Vostok: vzaimodejstvie v iskusstve (Russia—East: Interaction in art)*. Moscow: Soglasie, 135—143 (in Russian).

Gnecchi-Ruscone et al. 2021: Gnecchi-Ruscone, G.A,, Khussainova, E., Kahbatkyzy, N., Musralina, L., Spyrou, M.A., Bianco, R.A., Radzeviciute, R., et al. Ancient Genomic Time Transect from the Central Asian Steppe Unravels the History of the Scythians. *Science Advances* 7 (13). DOI: 10.1126/sciadv.abe4414.

Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes 2002: Bunker, E.C., Watt, J.C.Y., Zhixin Sun. 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes: The Eugene V. Thaw and Other Notable New York Collections*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press.

Qi Xiaoshan. 2008. *The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road — Sichou zhilu: Xinjiang gudai wenhua.* Xinjiang: Xinjiang People's Publishing House (in Chinese).

Samashev, Z. 2021. *The illustrious culture of the early nomads in the Kazakh Altai. In: Gold of the Great Steppe. People, Power and Production. First published to accompany the exhibition at the Fitzwilliam Museum.* Cambridge: Paul Holberton Publishing, 11—65.

Shulga et al 2021: Shulga, P.I., Shulga, D.P., Hasnulina, K.A. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Journal of the Siberian Federal University. Humanities)* 14 (8), 1167—1181.

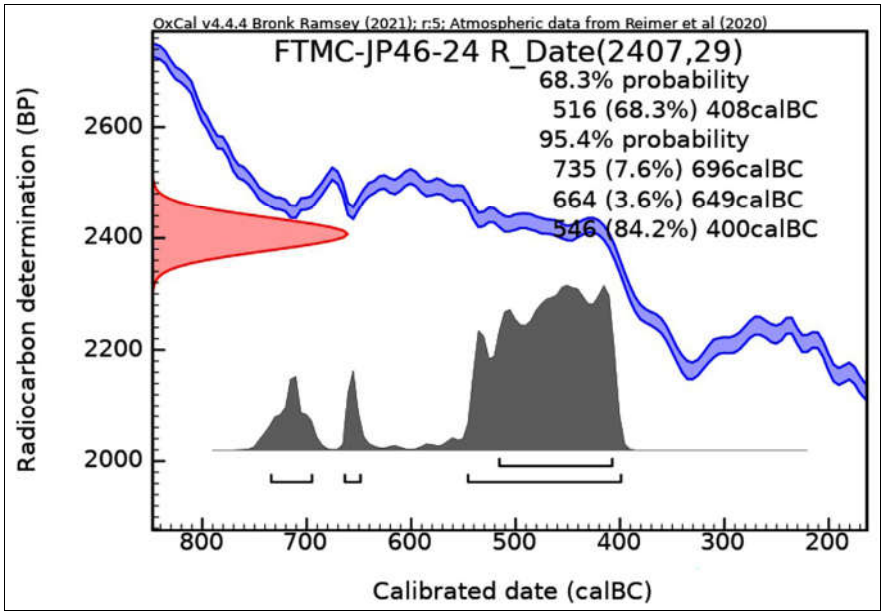

Рис. 1. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 2407±29 лет до н.э. (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 1. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 2407±29BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

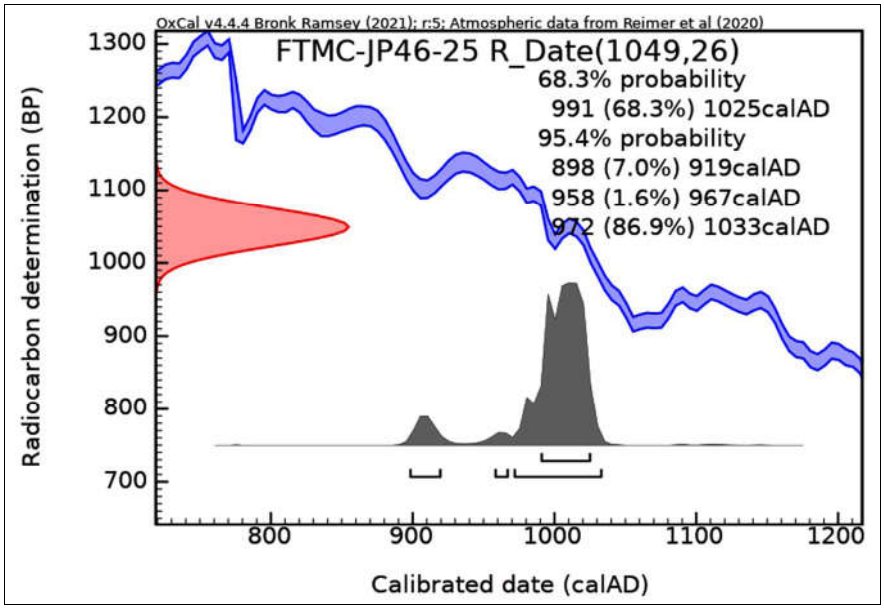

Рис. 2. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 1049±26 лет назад (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 2. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 1049±26BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

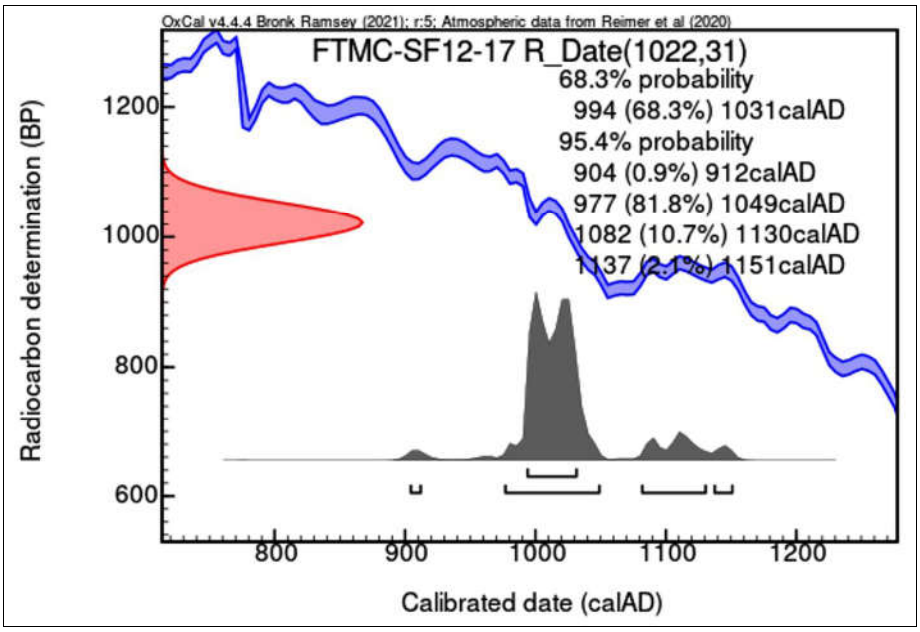

Рис. 3. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 1022±31лет до н.э. (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 3. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 1022±31BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

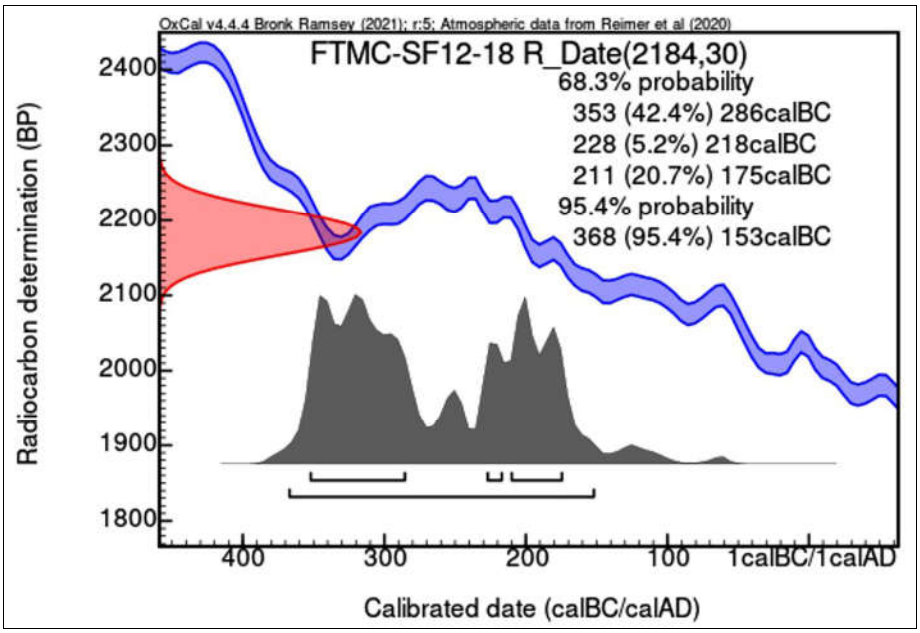

Рис. 4. Таугуль-3, курган № 2. Радиоуглеродная дата 2184±30 лет до н.э. (красная), часть калибровочной кривой (синяя) и калиброванная функция плотности вероятности (серая), рассчитанная в OxCal.

Fig. 4. Taugul-3, kurgan No. 2. Radiocarbon date 2184±30 BP (red), part of the calibration curve (blue) and the calibrated probability density function (grey) calculated in OxCal.

Рис. 5. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Находка в грабительском лазе.

Fig. 5. Taugul-3 burial site, kurgan No. 2. Finding in the plunderers' mine.

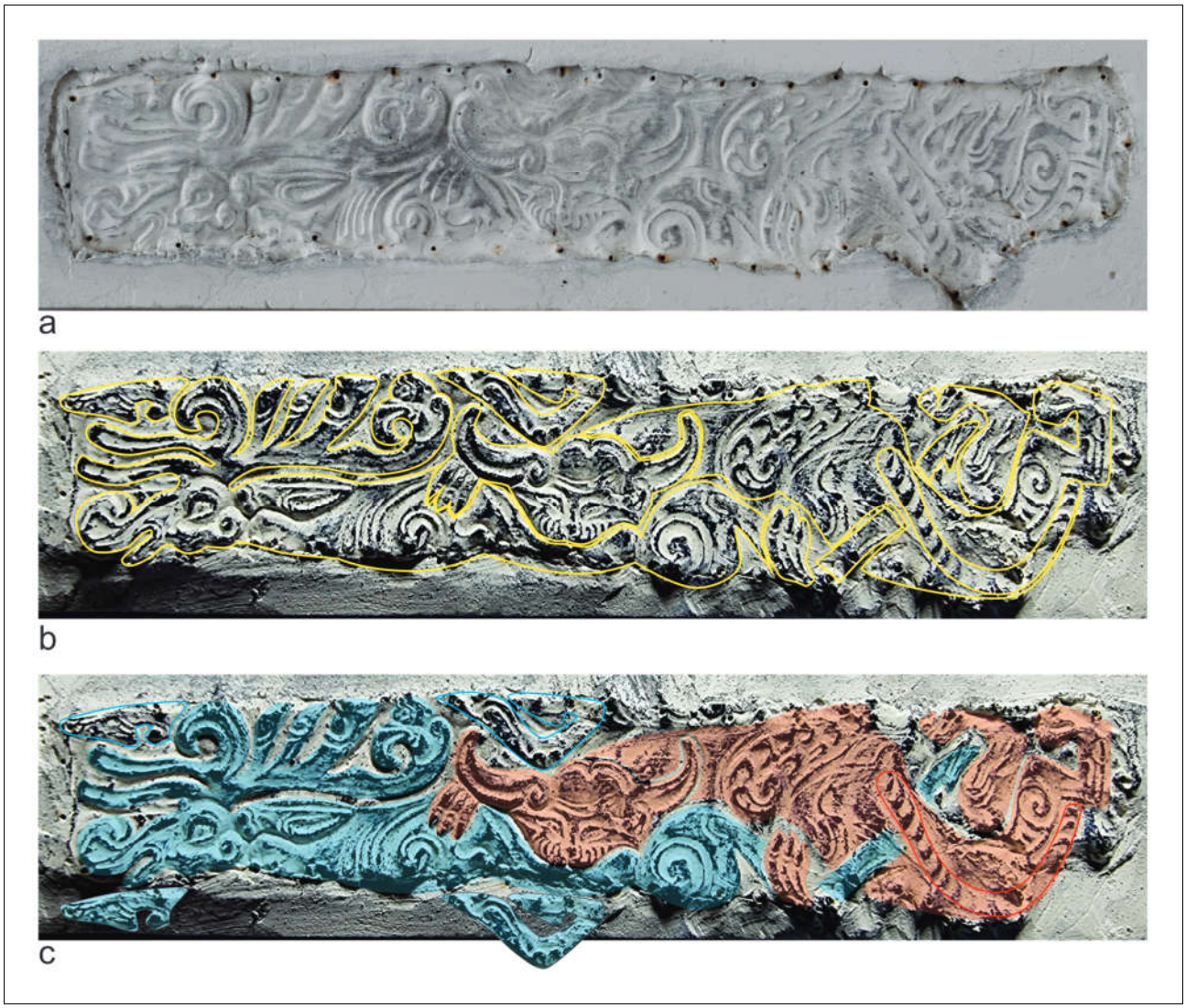

Рис. 6. Выявление изобразительного ряда на жезловидном предмете: *a* — тонированный гипсовый оттиск с распрямлённого силиконового слепка с предмета; *b* — прорисовка контуров частей животных на контрастной фотографии оттиска; *c* — цельные изображения животных, полученные путём переноса некоторых частей с верхней части вниз.

Fig. 6. Revealing the pictorial series on a rod-shaped object: *a* — toned plaster cast from a straightened silicone mold; *b* — outline drawings of animal parts on a contrast-enhanced photo of the cast; *c* — complete images of animals obtained by transferring some parts from the top down

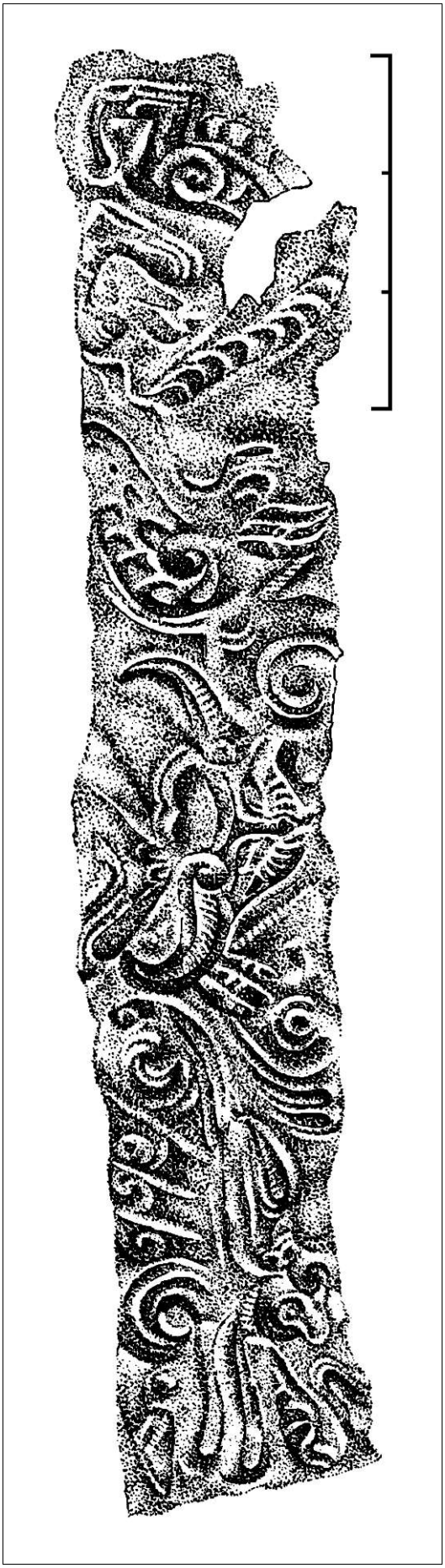

Рис. 7. Могильник Таугуль-3, курган № 2. Находка в грабительском лазе. Художник: Манас Казикеев.

Fig. 7. Taugul-3 burial site, kurgan No. 2. Finding in the plunderers' mine. Artist: Manas Kazikeev.

Рис. 8. Могильник Таугуль-3, курган № 3. Находка.

Fig. 8. Taugul-3 burial site, kurgan No. 3. Finding.